

СКРЫТЫЕ УСЛОВИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Арика Ретнас

Скрытые условия

<https://litres.ru/74598127>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эту тайну оберегали лучшие юристы мира. А её вскрыла студентка с подносом — за четыре минуты.

Вера видит в договорах то, что не видит никто: приговоры между строк, ловушки на пустом месте, слова, которые стоят миллиарды. Один ночной заказ — и невидимка превращается в угрозу. Потому что теперь империя знает: читатель существует. А читатель видит всё.

Роман — наследник крупнейшей компании планеты. Миллиарды, власть, гранитное сердце. Весь мир знает цену его прикосновений — и никто ни разу не посмотрел ему в глаза. Пока рыжий гений, вскрывающая чужие тайны, не начала читать его. До последней точки. Без ценника. Без страха.

Ей нельзя его хотеть. Ему нельзя её отпускать: в стенах империи грызётся предатель, и за ним уже открыта охота. Каждый контракт между ними — мина. Каждый взгляд — нарушение.

Она раскусывает любые документы. Но сердце — не договор: у него нет мелкого шрифта.

Либо они сожгут эту паутину дотла — либо их финал уже напечатан. Белым по белому.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Сто двенадцать тетрадей	8
Глава 2. Бюджет	18
Глава 3. Олимпиада	31
Глава 4. Девочка, кофе	43
Глава 5. Пыль	56
Глава 6. Девятнадцать дней	73
Глава 7. Завещание для незнакомца	86
Глава 8. Круглая сумма	96
Глава 9. Адрес	118
Глава 10. Минное поле	125
Глава 11. Пункт 87.4	133
Глава 12. Трансформация тела и разума	140
Глава 1	148
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Арика Ретнас

Скрытые условия

Пролог

Самое важное в договоре всегда написано мелким шрифтом. А самое опасное — вообще не написано. Белые буквы на белом. Если точно знать, где ловить свет. Вера умела находить то, что прячут в документах так же тщательно, как в самих себе: невидимые оговорки между строк, запятые, сдвинутые на полмиллиметра, сноски на тридцатой странице, которые одним движением перечёркивают всё, что обещано на первой.

Два с половиной года она вскрывала чужие тайны — молча, аккуратно, до последней точки. Она не знала только одного. Что однажды найдёт тайну, которую прятали от всех. Столько лет подряд.

- Было 2:47 ночи, когда Вера увидела имя. Сорок седьмой этаж спал. Дождь шёл по стеклу сплошной серебряной пеленой, город внизу рассыпался размытыми огнями — жёлтыми, красными, белыми, как бусы, которые кто-то рассыпал и поленился собрать.

Гудела вентиляция. Единственным живым существом на

этаже была она и чашка кофе, умершая на столе столько часов назад, что плёнка на ней стала похожа на чёрное стекло. Она перевела взгляд на строку, подсвеченную жёлтым маркером. Прочитала имя ещё раз. Потом ещё вслух, шёпотом, словно от этого оно могло рассыпаться. И стул под ней вдруг стал единственной твёрдой вещью в мире.

Она шла к этому два с половиной года. Через тысячи страниц отчётов. Через фирмы-однодневки, умиравшие через месяц после регистрации такие аккуратные, как марионетки, у которых выдернули нити. Через двойные накладные. Через транзитные счета, размазанные по трём странам. Через схему настолько чистую, что мимо неё в упор не проходил ни один автоматический контроль. Спотыкалось только человеческое упрямство. Только её дурацкая привычка дочитывать до конца. И в самом центре паутины, там, где сходились все нити, стояло короткое имя. Оно не должно было здесь стоять. Оно не имело права здесь стоять. Не может быть. Ошибка. Опечатка. Сбой. Она перепроверила. Третий раз. Четвёртый. Свела таблицы заново, строка к строке, как сшивают шов. Подняла архив за прошлые годы глубже, ещё глубже, туда, где отчёты пахли пылью даже через экран. Нити не расходились. Все дороги упирались в одну точку. В одно имя. Всегда упирались — просто она шла к нему так долго, что не заметила, как это имя всё время стояло у неё за спиной. Есть документы, которые читают. Есть документы, которые подписывают. А есть такие, после которых нельзя

спать.

За спиной щёлкнуло — датчики движения зажгли свет в коридоре. Лифт. Индикатор этажей полз вверх: тридцать девять. Сорок. Сорок три. Сорок седьмой. Двери разъехались в тёмный пустой холл. Никого. Ночная смена, убеждала она себя. Старый дом дышит сам по себе. Но где-то под рёбрами, холодно и неразумно, шептало другое: с этой минуты у тебя есть свидетели. И не факт, что союзные. Кто-то мог видеть свет в её окне. Кто-то мог услышать принтер. Кто-то всегда что-то видит — особенно когда речь о таких деньгах.

Телефон завибрировал. Восемь пропущенных. Даня.

«Где ты?»

«Опять до ночи? Серьёзно?»

«Я же вижу, что ты в сети. Почему молчишь?»

«Вер. Мне не нравится. Я волнуюсь».

Забота, в которой сквозила клетка. Он всегда писал так — нежно и неотвязно, как капли воды на лоб. Раньше это называлось «он переживает». Сейчас, в три часа ночи, впервые пришло честное слово.

Контроль.

Чуть ниже высветилось второе сообщение — и что-то тёплое, усталое и испуганное шевельнулось в груди.

Роман: *«Ты ещё в офисе? Не засиживайся. Утром важный день».*

Два имени на экране. Два человека, которые ещё спали и не знали, что завтра их мир перевернётся. Каждый по-свое-

му. Каждый навсегда.

Вера встала. Принтер проснулся в темноте зелёным огоньком и зашуршал, выплёвывая листы один за другим — тёплые, пахнущие тонером, будто рождал на свет нечто живое и опасное. Сорок два листа. В них уместились столько лет чужой лжи, три страны и сумма, за которую можно купить небольшой город. Через десять часов эта папка ляжет на стол совета директоров. Тишина в переговорной будет такой, что станет слышно, как гудит свет. А человек, которому принадлежало это имя, ещё спал где-то в этом городе. Со спокойной совестью. В последние часы спокойной совести. Вера всегда дочитывает до конца. Даже тогда, когда чтение стоит дороже собственной жизни.

А началось всё как начинается всё по-настоящему важное — с мелкого шрифта. Точнее, с чашки кофе, подноса и одного случайного заказа на фриланс-бирже. За два с половиной года до этой ночи.

Глава 1. Сто двенадцать тетрадей

Тишина в их доме наступала только после часа ночи.

До этого тихо не было никогда. Гудел старый холодильник. По трубе, вздрагивая, поднимался лифт с нижних этажей. За стеной покашливал сосед дядя Гриша. И скрипел паркет так, что было слышно даже в подъезде. Пятый этаж. Окна во двор. Две комнаты на троих и кухня шесть метров. Вся геометрия их жизни уместилась в пятидесяти четырёх квадратах и в этих квадратах Вере предстояло вырастить себя заново.

В половине второго ночи на кухне горел свет. Лампа с зелёным абажуром — дедушкина, с потемневшим шнуром — бросала круг тёплого света на стол, накрытый клеёнкой в мелкий цветочек. Раскрытая тетрадь. Стопка распечатанных вариантов. Карандаш, обломанный с одного конца. Чай, остывший настолько, что плёнка на нём уже не собиралась. Вера сидела, подтянув под себя ногу, и коленом упиралась в столешницу. Стол купили, когда она была маленькой. Маленькой она перестала быть внезапно: за одно лето вытянулась на семь сантиметров и с тех пор вся мебель в квартире как будто уменьшилась.

В тёмном стекле окна, поверх мокрых крыш соседнего дома, отражалась девочка. Растрёпанные рыжие волосы, пере-

хваченные на затылке тем самым обломанным карандашом. Волосы густые, тяжёлые, цвета старой меди — из тех, что невозможно заплести аккуратно и нечестно носить короткими. Под тёмными ресницами — глаза неровного зелёного цвета, как прибрежные листья в сентябре. Бледное лицо. Карандашная пыль на скуле, которой она не замечала. Семнадцать лет. Рост — сто семьдесят пять. Длинные ноги, из-за которых любая школьная юбка сидела так, что классная руководительница дважды за год вызывала к себе «просто поговорить». Фигура, от которой оборачивались во дворе, в автобусе, в школьном коридоре оборачивались и девочки, и их отцы, и продавщица в булочной, пытавшаяся подсунуть ей лишний рогалик, «такой худенькой-то».

Вера смотрела на всё это изнутри. Как сквозь стекло. Красивой быть было некогда.

За стеной спала мать. Бухгалтер небольшого треста. Женщина, которая дни напролёт сводила чужие цифры, а по вечерам садилась сводить свои: отцовскую зарплату, свою, остаток до получки, цену маминых таблеток, цену репетитора. Цифры редко сходились сразу. Мать умела их дожимать. Молча. С калькулятором. За вот этим самым кухонным столом. Отец был в рейсе. Дальнобойщик с двадцатилетним стажем, он уходил в маршрут на две-три недели, и Вера знала трассу М-4 наизусть по его разговорам: где кормят. Где не кормят. Где вляпался в ремонт в прошлый четверг. Где-то между Воронежем и Ростовом в темноте шла его фура — и

от этой мысли на душе делалось одновременно тревожно и надёжно. В их доме не произносили словосочетание «а если не поступит». Оно было запретным, как имя болезни. Его обходили. Отступали от него молча.

А однажды, за ужином, мать всё-таки сказала это — тихо и ровно, как вычитывают итоговую строку:

— Только бюджет, Верк. У нас с тобой ошибок не предусмотрено.

Отец тогда ничего не добавил. Он вообще говорил редко — руками и делами. Но Вера запомнила, как он посмотрел на неё поверх стола: коротко, серьёзно, по-взрослому. Так смотрят не на дочь. Так смотрят на напарника, с которым идут в одну перегрузку. Это был их семейный пункт договора. Нигде не подписанный. Записанный мелким шрифтом на дне каждого дня:

Право на ошибку в этом доме не предусмотрено

Платное отделение стоило, как вся их квартира за несколько лет.

Значит — бюджет.

Значит — выше всех проходных баллов.

Значит — с запасом. Запас надо было накопить. Как деньги. Так и силы.

Всё началось с телевизора. С хрупкой женщины в наушнике. Девятый класс, вечер, саммит на первом канале. Президенты что-то говорили так важно, плавно, по-разному. А рядом с ними, чуть поодаль, сидела женщина с прямым хреб-

том и переводила одновременно, не отставая ни на полтакта: чужая речь входила в неё и выходила такой же сильной, только уже понятной. Плечи прямые. Лицо сосредоточенное. Ни одного лишнего движения. Вера смотрела, не дыша, и в какой-то момент почувствовала то, что не могла сформулировать годами: Вот оно. Вот комната, где мир решает, как ему быть. И в эту комнату её не пустят — не потому, что она не дочь кого-то. А просто потому, что она пока не умеет достаточно хорошо владеть единственным ключом, который там действует. Словом.

Тогда она ещё не знала названия — «международные отношения». Знала только, что существуют люди, которые находятся там, где решается. И что путь туда лежит через язык. Через английский, доведённый до остроты скальпеля. Через баллы, которые не обсуждаются.

В то же лето учительница английского, Нина Семёновна, уходя на пенсию, отдала ей свой старый словарь потрёпанный, с отклеившимся корешком, купленный когда-то на развале у вокзала. На форзаце карандашом было выведено:

«Вере. Читай до конца»

Вера читала его как роман. К одиннадцатому классу словарь знал её наизусть лучше, чем она его. Слово «дочитывать» вообще было семейным. Мать говорила об этом без всякой философии: «Ты у меня с детства всё дочитываешь до конца, до последней страницы, до последней графы». Вера не придавала этому значения. Привычки, которые кор-

мят, всегда сначала выглядят как странности.

Режим выстроился сам. Как выстраивается стена — кирпич к кирпичу. Будильник — 5:50. Чтобы до школы успеть тридцать новых слов: они висели по всей квартире на узких полосках бумаги. Над зеркалом в ванной. На дверце кухонного шкафа, между списком продуктов и номером скорой. На форточке, на которой мороз рисовал зимой свои кораблики. Заучивал их взгляд. Сам. Без разрешения. Школа. Потом — городская библиотека, читальный зал с запахом старой бумаги и пыльного солнца, где рыжая библиотечная кошка спала на подоконнике, а Зинаида Павловна, старшая по залу, поднимала на Веру глаза поверх очков и тяжело вздыхала:

— Опять ты. До закрытия сидеть будешь?

— До закрытия.

Она выходила последней. В девять, вместе с гаснущим светом. И шла пешком две остановки экономя, хотя и так было на всё экономно. Дома — варианты. Русский она закрыла сама, на максималках: язык ложился в неё, как вода в песок. Историю помогал тянуть групповой курс при педагогическом — дёшево, по скрипучим классам, со старенькой преподавательницей, ставившей четвёрки «за в целом верную мысль». Вера четвёрки возвращала. Переделывала по ночам пока не становились пятёрками. Настоящие деньги уходили на английского. Тамара Львовна, пенсионерка, тридцать лет отдавшая институту иностранных языков, брала её вполвину дешевле — «ты редкая, мне интересно» —

и занималась в квартире, где книжные шкафы стояли до потолка, а по ним, как хозяин, ходил худой кот по имени Байрон. Каждая встреча стоила их семье отцовского полудня за рулём. Вера знала цену каждого часа. И не позволяла себе на этих встречах ни одной секунды расслабления. Денег всё равно не хватало.

Однажды, вернувшись позже обычного, она услышала за стенкой полушёпот. Мать — про бабушкины серьги, которые берегла с молодости: «Их же не восстановишь потом, Миш». Отец — глухо, через паузу:

— Продай серьги. Продай гараж. Продай меня, если понадобится. Она не перегорит — она пойдёт.

Вера стояла в коридоре, не разуваясь. Пол охлаждал ноги через тонкие носки. Потом тихо, на цыпочках, дошла до кухни, села под лампу и сделала то, что считала единственным честным. На следующее утро она расклеила по подъездам объявление — ровным, выверенным почерком:

«Помогу с русским и английским, 5–9 классы».

Через две недели у неё было трое учеников. Вырученное Вера приносила домой и молча клала под лампу. Больше она не просила. Не потому что гордость. Потому что слышала тот полушёпот за стенкой.

Февраль едва её не сломал. Пробник по английскому — 78. Вместо привычных 90+. Она видела, как цифра ложится на лист, и не верила. Тамара Львовна посмотрела работу поверх очков и сказала без всякой жалости: — Это не уровень,

Вера. Уровень — это стабильно. А у тебя провал. Разбирайся, что с тобой происходит, и приходи. Вера вышла на лестничную клетку между этажами. Села на холодные ступеньки — прямо на них, в куртке, с сумкой на коленях. И заплакала. Единственный раз за два года. Не от цифры. Оттого что вдруг с арифметической ясностью увидела: запаса нет. Ни одной единицы лишней. Одна ошибка и всё, что держалось два года, съедет по наклонной, как несутся фуры на той трассе, где отец пересекает ночь. Она сидела на ступеньках минут десять. Потом вытерла лицо шарфом. Поднялась. Пошла разбираться, что с ней происходит. Происходило недосыпание. Страх. И то, что она три месяца не вставала из-за стола дольше чем на сорок минут. К апрелю она перестроила день — вырезала из него всё, что не работало на цель, — и пробники выровнялись: 92. 94. 96. Тамара Львовна, проверяя последнюю, долго молчала. Потом сказала: — Вот теперь — уровень. Стабильно. Запомни это состояние, Вера. Умные люди его забывают первыми.

В школе про неё говорили «собирается на МО» — с лёгкой завистью и лёгкой насмешкой сразу. Как говорят о человеке, который зачем-то пошёл в гору, когда можно гулять по ровному. Полина из параллельного звала на день рождения с караоке, с фотографиями, со всем этим смехом, в котором Вера не умела и не хотела участвовать ценой вечера с вариантами. Отказала. Полина обиделась на неделю. Потом оттаяла и даже подваливала на переменах поболтать у Поли-

ны это называлось «перезагрузка». Артём с последней парты писал ей записки. Аккуратным круглым почерком, вкладывал в её словарь, когда она отворачивалась к доске. Она не читала их бережно перекладывала в карман словаря, где лежала пачка таких же. «После экзаменов», — говорила она себе.

Слово «после» вообще было её главным словом. После экзаменов — отдохну. После экзаменов — прочту. После экзаменов — подумаю, наконец, про Артёма и про то, что когда он смотрит на неё, у неё почему-то теплее в ушах. Всё это лежало на полке «после». Полка была высокая. А однажды она случайно услышала фразу, которую ей не говорили в лицо. Классная руководительница — матери, на собрании, покровительственно, с той интонацией, с которой говорят комплимент, чтобы не помочь:

— С такой внешностью Вере можно не волноваться. Как-нибудь устроится.

Мать промолчала. Собрание шло дальше. А Вера, ждавшая в коридоре, стояла у окна и чувствовала, как слово «устроится» входит в неё — как осколок. Мелкий. Но до самой кости.

Устроится.

То есть всё, что она делает ночами, — не считается. Считаются только рыжие волосы и длинные ноги. И против этой арифметики бессильны сто тетрадей. Той зимой она заплетала волосы туго, в скучную косу, и надевала отцовский ста-

рый свитер — серый, растянутый, до середины бедра. И ловила себя на том, что рада: в этом свитере её видели, но не рассматривали. Красота была оружием, которое она отказывалась брать в руки. Она ещё не знала, что однажды это оружие начнёт работать против неё без всякого её согласия. На собеседованиях. В коридорах. В глазах женщин, которые видели в её фигуре вызов, а в зелёных глазах — наглость. Пока же она просто прятала себя в серый свитер. Как прячут в футляре то, что слишком дорого, чтобы оставлять на виду.

Осень легла в тетради золотыми гербариями. Зима — морозными узорами на той самой форточке, над карточкой со словом «perseverance», выгоревшей до серого. Весна пришла с запахом типографской краски — из логова новых вариантов. И вдруг оказалось: до конца осталось меньше, чем позади.

В июне, накануне подачи документов, отец вернулся из рейса. Специально. Отпросился, что делал последний раз, когда у Веры была скарлатина. Мать в тот вечер полезла на антресоли и начала снимать оттуда стопки. Толстые общие. Тонкие, в клетку, в линейку. С загнутыми уголками. С кольцами от чашек. Исписанные её круглым, чуть наклонным почерком: конспекты, варианты, словарные диктанты, шпаргалки, которыми она никогда не пользовалась, но писала, потому что писание лучшая память. Мать ставила их на кухонный стол. Стол под цветочной клеёнкой исчезал. Стопка росла и стало казаться, что два года их жизни уместились в бу-

магу. Вот так буквально. В килограммы бумаги. Отец считал молча. Шевеля губами. Водя мозолистым пальцем, тем самым, что двадцать лет крутили баранку, — от корешка к корешку.

— Сто двенадцать, — сказал он наконец.

И положил ладонь на стопку. Так кладут руку на плечо сыну. Мать быстро отвернулась к плите, хотя ничего там не стояло, и Вера увидела, как у неё дрогнули плечи. Раз. Другой. Вера подошла и встала рядом. Сто двенадцать тетрадей. Два года. Один пункт договора, подписанный мелким шрифтом:

Ошибок не предусмотрено

— Ты у меня всегда всё дочитываешь до конца, — сказала мать, не оборачиваясь. — С детства. До первого экзамена оставалось одиннадцать дней.

Вера ещё не знала, что читать до конца самая дорогая привычка на свете. И что однажды цена этой привычки станет выше, чем всё, что она могла вообразить, сидя под дедушкиной лампой. А пока она стояла между родителями, и всё её семнадцатилетнее богатство лежало перед ней на кухонном столе.

Ровной. Честной. Стопкой.

Глава 2. Бюджет

Экзамены шли восемь дней. И были похожи на трилогию, в которой главная героиня с каждой частью устаёт сильнее, а бюджет фильма урезали после первой.

Вторая аудитория пахла мелом, пыльной занавеской и чужим страхом. За окном гудела июльская жара. Голубь на карнизе топорщился и косил глазом на всех, кто поднимал голову. Вера голову не поднимала. Она писала так, как писала сто двенадцать тетрадей: до конца.

До последней графы. До точки.

На соседнем ряду парень написал изложение за сорок минут и уснул лицом в черновик. Организатор подходил к нему дважды. Первый раз — проверить, дышит ли. Второй — полюбоваться. На устном английском женщина с идеальной осанкой попросила рассказать о международном праве. Вера говорила четыре минуты. А в конце, понимая, что переборщила, извинилась: «Sorry, I got carried away». Экзаменаторша впервые подняла глаза из ведомости. Посмотрела на неё так, как смотрят на шахматную доску, где вдруг обнаружилась незапланированная комбинация.

— Сядьте, — сказала она. — Вы не потеряетесь.

Списки обещали повесить в полдень. Ночь перед этим они с мамой провели в гостинице за семьсот рублей, где крова-

ти скрипели на четыре разных голоса. К часу ночи соседи за стенкой, судя по вежливому постукиванию, решили, что мы отмечаем что-то серьёзное. Мы делили последний пельмень. У каждого свои радости. Слово «если» за эту ночь не прозвучало ни разу. Они обходили его, как обходят открытый люк.

Утром мама гуглила «какой проходной был в прошлом году». Отец присутствовал телефоном, где-то на трассе между Воронежем и Ростовом. Мама держала его в руке, как икону. Экраном к небу, чтобы связь была лучше.

Бумагу наклеили на дверь в двенадцать ноль четыре. Толпа сглотнула и накинулась. Мама искала фамилию сверху вниз, шевеля губами. Вера — спокойно, построчно. Как научилась. Вторая колонка. Шестая строка сверху.

— Мам.

— Не мешай, я смотрю...

— Мам. Смотри. Фамилия. Имя.

И дальше казённая формула, которую Вера прочитала про себя один раз. А мама вслух — семь. Потому что первые шесть раз не получалось:

...рекомендована к зачислению на места, финансируемые за счёт средств федерального бюджета...

Мама заплакала стоя. Посреди чужого коридора, прижав ладонь ко рту. Вера обняла её сверху впервые в жизни пришлось наклониться к матери, а не наоборот. И в пахнущем ванилью затылке разрешила себе выдохнуть за два го-

да. Отец подобрал со второго звонка. Шум дороги. Ветер в микрофон.

— Ну?

— Бюджет, пап. Пауза. Длинная. Вера успела испугаться — не обрыв ли. А потом телефон взревел. Отец тянул клаксон фуры так долго, счастливо и без всякого ПДД. И, судя по многоголосому эху, ему гудели все грузовики на километрах вокруг: у дальнбойщика Миши дочь поступила на бюджет, и трасса М-4 знала об этом раньше бабушки.

— Поздравляю, — сказал он наконец тихим голосом. — Не отвлекай. Я на встречной не вытираю слёзы.

Лето между списками и переездом сделало с Верой то, что первая оттепель делает с землёй. Она спала. Без будильника. Без карточек над зеркалом. Без слова «после». Ела так, будто внутри работала бухгалтерия и наверстывала недоимку. Загорала у реки, пока отец стоял в коротком рейсе, и солнце сделало с волосами то, чего не смогли никакие бальзамы: выжгло в них медь и золото. Рыжий перестал быть цветом. Рыжий стал свойством.

А в конце июля мама достала швейную машинку и сшила ситцевый сарафан цвета спелой вишни.

— Примерь.

Вера натянула через голову. Повернулась к зеркалу. И та, кто смотрела оттуда, заставила её замолчать на полуслове. Девочка из серого отцовского свитера исчезла. На её месте стояла женщина восемнадцати лет. Длинные рыжие воло-

сы лежат тяжёлой волной по спине. Кожа после двух месяцев сна и реки светящаяся изнутри. Зелёные глаза настолько глубокие, что тонуть в них можно было без инструкции по технике безопасности. Сарафан обхватил талию, о которую можно обломить дидактические палочки. И честно, без единой складки показал всё, что за два года выросло, оформилось и созрело: грудь, бёдра, длинные ноги. Которые оно не прятало, а открывало ровно настолько, чтобы вопрос повис в воздухе.

— Господи, — сказала мама.

— Я вчера тебя родила, а тут уже... — она махнула рукой на весь ансамбль.

— Верк, в этом сарафане не то что по улице, по жизни ходить страшно.

— Нормально ходить, — сказала Вера.

Но сама провела ладонями по талии. Как по чужой.

На перроне мама помогла занести чемодан, переложённый надписями «ВЕРХ» и «ДНО». И на прощание выпалила быстро-быстро, будто боялась не успеть:

— Не экономь на еде. Спи. Не садись к тем, кто наливает раньше, чем спрашивает фамилию. И не влюбись в первый месяц! По статистике все первые общаговые романы начинаются со слов «подержи мой суп» и заканчиваются словами «верни мой суп».

Поезд тронулся. Мама шла вдоль перрона три шага. Пять. Десять. И стала совсем маленькой. Размером с дедушкину

ламп. Вера не заплакала. Достала словарь Нины Семёновны, открыла на середине и стала читать до конца главы. Привычки, которые кормят, в дальнюю дорогу одних не отпускают.

Общежитие встретило её запахом, который не описать человеку, его не пережившему: Борщ. Лапша быстрого приготовления. Хлорка. И молодость. Девятиэтажка цвета топлёного молока. У входа фикус в ведре с табличкой «Не поливать — живёт». На двери комендатуры — лист правил.

Пункт седьмой: *«Бельё сушить на балконах, а не на радиаторах, ибо радиаторы — не верёвки»*

Пункт девятый: *«После 23:00 — тишина. Соседи имеют право спать даже в ваш день рождения. Особенно если это день рождения Валеры. Мы его слышали уже трижды»*

Очередь на заселение двигалась медленно, как очередь в Мавзолей. Но с большим количеством сумок. Впереди Веры стояла девушка метр шестьдесят пять. Худая, как выдох: короткая стрижка, круглые очки, рюкзак, из которого торчали ролики и почему-то черенок от лопаты. За столом сидела Таисия Марковна. Сложенная из панельных плит и прищур. Она окинула взглядом рюкзак, черенок и человека. И произнесла голосом, каким на радио объявляют аварию:

— Документы. И волосы бы вам... привести в порядок. У нас тут не варьете.

— Да я вижу, — девушка подняла глаза с той скоростью, с какой поднимают мост.

— Варьете — это когда красиво и с музыкой. Здесь пока только музыка.

Холодильник гудит. По очереди сделалось тихо. Кто-то за спиной Веры не сдержался и хрюкнул.

— И черенок уберите. У нас тут не огород.

— Это не черенок. Это монтировка. Для лифта.

— Лифт работает.

— Когда и для кого?

— Когда захочет. И для тех, кто не спрашивает.

— Понятно. У него та же политика, что у деканата.

Таисия Марковна посмотрела на неё поверх очков взглядом, которым вешали не меньше трёх человек в неделю. Но что-то в сухом ровном голосе нашлось и для неё. Она хмыкнула. И толкнула через стол ключи:

— Седьмой этаж. Семьсот тринадцать.

— А лифт?

— А лифт — воспитательное средство.

— Дорогая администрация, если это воспитание, я не согласна с методами. И я запомнила ваш номер стола. Потом девушка обернулась к Вере, которая всё это время беззвучно ржала в чемодан:

— А ты чего улыбаешься?

— Просто так.

— Запомни меня. Ольга. В последующие годы ты будешь встречать людей лучше меня. Но смешнее — нет.

Чемодан на седьмой этаж тащили по очереди. Уже на чет-

вёртом пролёте Вера узнала про Ольгу всё, что положено узнавать за сорок минут: Ольга идёт на юрфак. Ольга ведёт «заметки в столбик» — «потом издам, потомки будут плакать». А на седьмом этаже Ольга заняла кровать у окна. Без апелляции к обсуждению:

— Тополь. Вид. Мой единственный близкий друг в этом городе. Не беси.

Вера обнаружила, что смеётся. По-настоящему. До живота. Впервые за то время, с которого она начала считать время. Ольга посмотрела на неё с интересом энтомолога:

— Так. А это что за реакция. Ты вообще кто? Откуда рыжая и красивая в бюджетном мире? Это запрещено правилами симметрии.

— Международные отношения.

— Ух ты, — сказала Ольга без всякого «ух ты». С уважением. — Будешь с Индией договоры подписывать. Впишите меня в мемуары: «подруга с юрфака. Была груба, но честна». Она прищурилась. Посмотрела на Веру, как на ценник, подзревая забытую запятую: — Так, стоп. Красивая. Умная. Бюджет. Скажи честно: недостатки есть? Мне для баланса. Иначе я завтра начну завидовать. А я это делаю некрасиво. С комментариями.

— Я зануда. Два года только училась. И я не умею разговаривать с незнакомыми. Вообще.

— Отлично. Я не умею молчать. Покрываем друг друга. Это называется симбиоз. Потом будет в учебниках.

Вечером этаж устроил «огонёк». То есть согнал на общую кухню всех новосёлов, включил индукционку на максимум и ноутбук с сериалом. Каждый принёс то, что вложила мамина хозяйственная рука: пельмени. Пельмени. И у кого-то, для разнообразия, пельмени. Вера спустилась в самой обычной футболке и джинсах. И всё равно, когда она вошла, на кухне произошло то, что позже Ольга станет называть «эффектом Веры». А сейчас это описывалось одним словом: Тишина.

Парень, донёсший пельмень до рта, замер с вилкой на полпути. Пельмень соскользнул. Он даже не заметил. Второй студент ошпарился чаем. И тоже не заметил. Девочка у окна посмотрела на Веру, на себя, на потолок — и вздохнула с выражением «снова этот мир несправедлив». Ольга подошла к первому. Дважды решительно стукнула между лопаток. Пояснила:

— Дыши, Ромео. Она съедобная. Но не по зубам.

Дальше вечер превратился в то, ради чего существуют общежития. В открытый чемпионат по подкатам. Где судейской коллегией работала одна Ольга. А протокол она же и вела столбиком, для будущих мемуаров.

Первым вышел парень в майке с чужой надписью:

— Девушка, вы верите в любовь с первого взгляда? Или мне зайти ещё раз?

— Зайди ещё раз, — сказала Ольга, не отрываясь от пельменей. — Дверь вон там. И оттуда проще выйти, чем у тебя с предложением.

Второй, качок Валера — тот самый, из пункта девятого, — поставил на стол шейкер размером с огнетушитель. Положил рядом ладонь размером с крышку люка. И сказал с достоинством:

— Слышь, я по уровню тестостерона как раз в твоей лиге.

— Она играет в другой вид спорта, Валера. И лига у неё не здесь.

— У меня план на двенадцать недель. И свободное время.

— У неё план на двенадцать лет, — сказала Ольга. — Твой даже не влезает. Если даже свернуть. Хотя ты, судя по шейкеру, специалист по свёртыванию.

Третий долго вынашивал. И выдал с нажимом:

— А что у тебя под футболкой? Кухня замерла. Вера посмотрела на него снизу вверх — метр семьдесят пять позволяли. И ответила ровно, как объявляют остановку по требованию:

— Рёбра и мечта.

— А мечта мягкая? — не удержался он.

— Мечта злая и кусается, — вмешалась Ольга. — Спроси у Валеры. Она ему сегодня уже указала на дверь. То есть на «ещё раз».

Четвёртый, судя по всему, готовил реплику прямо у плиты. Теперь выложил её залпом:

— У меня уже на первом курсе своя машина.

— Своя? — Оля подняла бровь. — Не мамина?

— Ну... мамин Kia. Но я за рулём.

— Прогресс налицо. Приходи через десять лет. Обсудим твой первый кредит.

Пятый, очкарик со смартфоном, подошёл вплотную. И произнёс шёпотом, как пароль:

— Девушка, я добавил вас в список доставки пиццы на этот этаж. Теперь мы будем видеться чаще.

— Ты меня добавил в базу данных? — Вера моргнула.

— Это Romantic API, — гордо сказал очкарик.

— Это статья за обработку персональных данных, — сказала Ольга. — Я юрист. Шестой выбрал тактику «джентльмен»:

— Девушка, можно вас проводить до комнаты? Вдруг по дороге вам понадобится защита.

— От кого?

— Ну... от таких, как мы.

— Хоть одна честная реплика за вечер, — кивнула Ольга. — Засчитано. Но провожают того, кто просит. А она не просит. Она вообще, между нами, просить не умеет. Я проверяла.

Седьмой принёс листок и прочитал вслух стихи собственного сочинения. Про «рыжее пламя». Про «зелёные бездны». И про станцию метро, на которой «сошёл бы навсегда». Кухня слушала вежливо. Вера — красноречиво. Ольга вытерла слезу:

— «Пламя» рифмуется с «хлам». Просто к слову, на будущее. И «навсегда» — со «одинок». Тоже к слову.

— Это не хлам, это свободный стих! — обиделся поэт.

— Это свободный хлам. Стих дотянется позже.

А восьмой — самый наглый — просто пододвинул ей тарелку:

— Девушка, прогрей мне пельмени. Тёплые вкуснее.

— Микроволновка вон там, — сказала Вера.

— Но с тобой вкуснее.

— Она не приправа, Стас, — сказала Ольга. — Отойди. У неё тоже есть нож. И вилка. И, как видишь, очень острые ответы.

Стас, он же восьмой, отошёл.

К всеобщему сожалению: он был единственным, у кого из-под майки торчала не татуировка, а этикетка. И это всех слегка утешало.

Гитарист появился к одиннадцати. Под окном. На скамейке. И взял такие аккорды, что тополь сам подвинулся. Он пел о рыжеволосой девчонке. О безответной любви. О том, что «общага без неё — как комната без окна». Ольга открыла форточку:

— Милый! «Владимирский централ» в этой аранжировке — это смело! Но кастинг в «Голос» — этажом выше и годом позже!

Он не сдался. Перешёл на лирическую балладу. Вера, вымытая и сонная, выглянула в тёмное окно через Олино плечо. И вдруг почувствовала — впервые в жизни, что всё это происходит не с какой-то другой. Не с красивой и лёгкой. С

ней самой. С рыжей девушкой в мамином сарафане. Со словарём на подоконнике. С пельменной вилкой в руке.

— Скажи ему что-нибудь, — попросила Ольга. — Я не могу. У меня голос от зависти садится.

Вера открыла окно. И крикнула вниз, сама не веря:

— Спасибо! Но у меня в одиннадцать отбой! Этаж взорвался аплодисментами.

Валера качал головой с уважением. Очкарик незаметно удалил её из списка доставки пиццы — с формулировкой «пользователь недоступен». Гитарист внизу сыграл такое, что было понятно: тема закрыта. Но не забыта. И через четыре года, на чьей-нибудь свадьбе, она прозвучит.

А в полночь они с Ольгой сидели на кухне одни. Над остывшим чайником и двумя последними пельменями, которые Ольга демонстративно разделила вилкой пополам:

— Мы, юристы, к чужому не приучены. Но к справедливости — да.

— Слушай, — сказала Ольга вдруг серьёзно, глядя поверх очков.

— Правило общаги номер один: ночью все философы. Утром все должники. Так что не спи и подумай, кем ты будешь утром.

И последний вопрос анкеты: — Парень есть?

— Нет.

— Хорошо. Значит, у соседей есть шанс. Мизерный, но есть. Иначе они совсем перестанут мыть за собой посуду.

Она ушла спать. Забрав одеяло и последнее слово. Вера осталась у окна. На седьмом этаже. В чужом городе. Над тёмным тополем.

А утром, в холле, на стенде — рядом с расписанием и пунктом девятым про Валеру — висел свежий лист. Перед ним уже толпились старшекурсницы: «Всероссийская студенческая олимпиада по международному праву. Победителям — грант и практика в одной из ведущих международных компаний». Ольга прочитала. Вздохнула. Ткнула Веру пальцем в плечо:

— Ну что, международница. Практика — это когда тебя кормят мечтами и поят работой. Но иди и выиграй. Потом расскажешь, как на самом деле.

Вера ещё не знала, что именно с этого листа начнётся всё.

Глава 3. Олимпиада

Первый курс оказался не школой, умноженной на два. Он был другой вселенной.

Лекции, на которых за сорок минут проходили то, что в школе изучали полгода. Семинары, где вопрос «кто готов ответить» висел в воздухе, как приговор. Вера была готова всегда.

К ноябрю она выучила расписание преподавателей так же точно, как своё, и сидела на чужих лекциях по международному праву. В конце аудитории. В сером свитере. Записывая то, что понадобится через два года.

Афиша олимпиады висела в главном холле третий месяц. Между объявлением о ликбезе по компьютерной грамотности и выцветшим плакатом

«Курите? Бросайте — мы поможем».

— Меридиан Интернешнл, — прочитала Ольга, склонив голову набок.

— Звучит как фигурант дела, которое ты в будущем будешь выигрывать. Подавайся!

— Первокурсники не выигрывают. Там четвёртые курсы. Магистранты. Даже аспирант один был, у него портфель дороже моей стипендии за год.

— Первокурсники не выигрывают, потому что не подають-

ся, — сказала Ольга.

— А ты у нас какой случай? Правильно: редкий. Пошли.

Ольга записалась в оргкомитет волонтером «для мемуаров и печенья» и тем самым получила официальное право кричать «давай, рыжая!» из первого ряда. На совершенно законных основаниях.

За три недели до тура они репетировали в комнате семьсот тринадцать. Ольга играла комиссию. Села на топчан. Надела очки наоборот — на затылок. И получилась невероятно злая преподавательница.

— Вопрос! — говорила она голосом Таисии Марковны.

— Раскройте понятие «форс-мажор». И не путайте с Лёшей со второго этажа. У него тоже непреодолимая сила. Но юридического значения она не имеет.

— Оля.

— Что Оля? Я репетирую. Отвечай, а то недопущу.

Однажды, когда Вера отвечала про оговорку о непредвиденных обстоятельствах, с соседнего крыла донеслась басовитая музыка. Ольга, не прерываясь, выдала поверх:

— Кстати, запиши: на международном уровне избегай слова «проникновение». Наш лектор вчера сказал «требуется глубокое и обстоятельное проникновение в материал» и весь поток вошёл в ступор. Мужская половина вышла с лекции отдохнувшей и задумчивой.

— Оля!

— Я конспектирую атмосферу. Продолжай. У тебя там

что-то с рисками было.

Тур шёл в актовом зале главного корпуса. Высоком. С лепниной. С портретами людей, которые когда-то что-то подписали и потому остались на стенах навсегда. За длинными столами сидели восемьдесят четыре участника. Пахло радиаторами, мандаринами из рюкзаков и амбицией. Вера сидела во втором ряду. Слева расположился Глеб. Тот самый аспирантский типаж, только студенческий: кашемировое пальто на спинке стула, часы, стоившие родительской машины, и манера оглядывать зал, как свою будущую вотчину. Он посмотрел на Веру ровно полтора раза.

— Первый курс? — уточнил он, заметив студенческий.

— Первый.

— Смело. Ну, удачи.

Он произнёс это с той интонацией, с какой желают удачи котёнку на трассе. Второй раз он на неё посмотрел между турами. Уже другими глазами. В шестёрку финала вышли: три четвёртокурсника. Магистрантка с обручальным кольцом. Глеб. И Вера. Последней. С отрывом в полбалла от седьмого места.

— Полбалла, — сказала Ольга, найдя её в коридоре.

— Знаешь, что это значит? Где-то есть человек, который сейчас ненавидит тебя с силой полугодовой зарплаты. Береги себя.

В коридоре Веру настиг и первый за день подкат. Парень с эконоффака, вылетевший в первом туре и потому расслаб-

ленный, подстроил «случайную» встречу у кулера:

— Девушка, а вы всегда так глубоко копаете? Просто у вас вид человека, который знает, что такое жёсткие условия.

— Она знает Уголовный кодекс, — отозвалась Ольга из-за колонны, откуда контролировала печенье.

— Хочешь можешь познакомиться с ним по-настоящему? Заносим в протокол?

Парень решил, что вода ему нужнее.

Финал был очным. На сцене — судейский стол. Над ним — председатель комиссии. Сухая женщина с идеальной осанкой. Вера узнала её мгновенно. Та самая экзаменаторша со вступительных. Женщина узнала её тоже, выражение лица не изменилось ни на грамм. Только ручка на секунду остановилась над протоколом. Шесть стульев лицом к залу. За спиной находилась проекция с кейсом: «Международный контракт на поставку оборудования для энергетического проекта. Сторона А — российская компания. Сторона Б — европейский концерн. Выявите риски. Время на подготовку — сорок минут». Зал притих. Кто-то в последнем ряду прошептал:

«Сорок минут на такой договор — это издевательство».

Председательница подняла глаза ровно на него. Прошептавших стало на одного меньше. Кейс был жёсткий. Но честный — Вера видела это по первым страницам. Валютные риски. Санкционная оговорка. Форс-мажор, описанный так обстоятельно, что становилось ясно: автор кейса когда-то об-

жётся. Она работала по своей системе. Как в школе. Как на вступительных. От корки до корки. Не пропуская ни строки. Потому что все беды живут не в тексте. Все беды живут между текстами.

Глеб писал с первых секунд, так широко, уверенно, как человек, который знает, что его ответ всё равно понравится. Магистрантка в кольце вела расчёты. Четвёртокурсники переглядывались, деля вопрос по-братски. Вера дошла до приложений. Приложение номер один: спецификация. Номер два: график поставок. Номер три: форма приёмки. Номер четыре: «Особые условия поставки». Семь пунктов, скучных, как понедельник. Она уже собиралась вернуться к основному тексту. И палец, водивший по строкам, споткнулся.

Под четвёртым пунктом приложения, прижатая к нижнему краю страницы, стояла сноска. Одно предложение. Набранное таким мелким шрифтом, что его можно было прочитать только наклонившись. Буква к букве. Вплотную к переплёту — туда, куда не доходят глаза. Потому что глаза к тому моменту уже закончили страницу. В примечании говорилось: «По вопросам, не урегулированным настоящим приложением, стороны руководствуются разделом одиннадцатым основного договора, если иное не следует из настоящего примечания». Вера подняла основной договор. Раздел одиннадцать. Ответственность за срыв сроков: мягкая, цивилизованная, с потолком в десять процентов. А дальше — та самая связка. «Если иное не следует из примечания к приложению

четыре». Следовало. В примечании вторым предложением седьмым кеглем, полустёртым при печати так, что сходило за опечатку, значилось: «Ответственность поставщика за нарушение сроков не ограничивается». Ни потолка. Ни предвидимости. Открытая, бездонная ответственность и всё это в одном предложении. Набранном серой краской на серой бумаге. На последней странице документа, который никто в нормальной жизни не дочитывает до конца. Сердце заколотилось где-то в горле.

Потому что Вера вдруг поняла две вещи сразу.

Первая: ловушка в кейсе построена специально. Автор положил её туда, как кладут жучок в чужой карман. И ждал, кто споткнётся.

Вторая: если она ошибётся на глазах у зала, комиссии и Глеба в кашемировом пальто, то вылетит с позором. С полутора баллами. И с фразой «первокурсники не выигрывают», которую скажут ей вслед. Февраль. Пробник. Семьдесят восемь. Ступеньки между этажами. Холодные через куртку. Она подняла руку неуверенно. Не так, как поднимают уверенные.

— Да, участник номер шесть, — сказала председательница.

— У меня вопрос к организаторам, — сказала Вера, и голос на слове «организаторам» дрогнул. Она сглотнула. И закончила ровно:

— Приложение номер четыре — входить в оцениваемую

часть?

— Все материалы кейса входят в оцениваемую часть.

— Тогда я хотела бы отвечать по нему. Пауза.

— Последняя страница. Председательница помолчала. Зал заерзал. Глеб слева издал короткий смешок — тихий, но рассчитанный на слышимость:

— Первый курс собирается отвечать по седьмому пункту приложения. Оригинально.

— Время вышло, — сказала председательница, взглянув на часы с секундной стрелкой.

— Отвечает участник номер шесть. Последняя по очереди — но не по значению. Прошу.

Вера вышла к столу. Проектор высветил приложение номер четыре. Она показала примечание. Потом раздел одиннадцатый, пункт одиннадцать семь. Потом связку между ними. И провела по ней пальцем. Как по шву.

— Здесь нет скрытых условий, — сказал один из судей, не глядя на неё. — Стандартная отсылочная норма.

— Стандартная, — согласилась Вера. — Пока не читаешь примечание до конца. Второе предложение примечания отменяет потолок ответственности из одиннадцати семь. В сумме это означает: европейский концерн может сорвать любые сроки, а российская компания останется без защиты. Договор ради этого и составлялся. Выигрышна только одна сторона.

Тишина, которая наступила, была звенящей. Такой, что

слышно, как гудит свет над сценой. Председательница взяла лист кейса. Подняла к свету. Наклонилась именно так, наклонившись, это примечание и читалось, и провела по строке ручкой. Буква за буквой. Секунд двадцать в зале не было слышно ничего. Кроме того, как кто-то в третьем ряду жевал жвачку. И сам себя за это ненавидел. Потом председательница выпрямилась. Посмотрела на автора кейса седого мужчину в дальнем конце судейского стола. Тот сидел с лицом человека, у которого только что нашли жучок в собственном кармане.

— Кто составлял примечание? — спросила председательница.

— Я, — сказал седой.

— Пять лет никто не находил. Ни на всероссийских. Ни на международных турах.

Он повернулся к Вере. И в лице у него произошло то, что происходит с людьми, когда они видят не девушку. А инструмент.

— На каком курсе вы учитесь?

— На первом.

— Невозможно.

— Возможно, — сказала председательница. — Я эту студентку уже видела. На вступительных. Она сделала паузу. И впервые за весь день позволила себе то, что позволяла себе второй раз за год:

— Садитесь. Вы не потеряетесь.

Глеб слева аккуратно закрыл ноутбук. В этом жесте было столько достоинства и столько краха, что залу стало почти его жалько. Почти. Ольга с первого ряда не пожалела никого. Она аплодировала так, как аплодируют на хоккее с криком «давай, рыжая!», за который её, волонтёра, официально не могли даже высадить.

Итоги объявляли через два часа. Эти два часа Вера прожила в коридоре, на батарее у окна, за которым шёл первый снег. Ольга принесла чай в пластиковом стакане и морковь.

— Ну как ты?, — сказала она.

— Не спрашивай.

— Слушай, — Ольга глядела в окно. — Даже если возьмут шестым, ты первая на курсе. Из восьмидесяти четырёх. Твоя мама будет хвастаться этим в поликлинике до пенсии. А Таисия Марковна впервые в жизни впишет в правила общежития пункт в твою честь.

— Если возьмут.

— Ты нашла то, что пять лет не находили люди с портфелями дороже твоей стипендии. Успокойся. Дожимай морковь.

Комиссия вернулась в зал с такой задержкой, что по коридорам уже ходили слухи: ссорятся. Перетягивают. Звонили в министерство. Дверь открылась. Зал втянулся внутрь.

— Победитель Всероссийской студенческой олимпиады по международному праву, — зачитала председательница, не торопясь, — студентка первого курса...

Дальше Вера не слышала. Она слышала только, как хлопнул зал. И как Ольга, стоявшая ближе всех, повернулась к ней с лицом, на котором впервые за полгода было написано что-то незащищённое. Грант — стипендия, которую можно было слать домой. И практика. Два месяца летом. «Меридиан Интернешнл». Московский офис. Международный отдел. Представитель компании мужчина с золотой ручкой и улыбкой человека, продающего автомобиль с пробегом «городской, один хозяин, бабушка ездила в церковь», торжественно вручил Вере папку.

— Мы очень ждём. У нас ценят молодых и инициативных.

— Запомни его улыбку, — сказала Ольга, когда представитель унёс папку дальше по залу. — Улыбка как у б/у машины: вроде едет, но под капотом уже скрипит.

Вечером Вера позвонила домой. Мама слушала молча, дыша в трубку. На двадцатой секунде начала шмыгать. На сороковой сказала: «Миш, подойди». И дальше Вера слышала всё сквозь крик. И как отец снимает наушники. И как он берёт трубку.

— Ну? — сказал он.

— Первое место, пап. И грант. Пауза. На этот раз Вера пауз не испугалась. А потом телефон взревел клаксоном и, судя по многоголосому эху, полтрассы М-4 снова узнали новость раньше бабушки.

— Держи фуру прямо, — сказала Вера, смеясь и вытирая лицо локтем, потому что руки были заняты телефоном. Поз-

же мама прислала фото: кухня. Дедушкина лампа. Стопка тетрадей — уже не сто двенадцать, прибавились университетские. И бабушкины серьги, лежащие поверх.

Подпись:

«Так и не продали. Ждали. Теперь, может, на твой выпускной надену».

Ночью, лёжа на топчане под Олиным тополем, Вера открыла сайт «Меридиан Интернешнл». Стекланный офис. Молодые люди в рубашках. Логотип. «Мы создаём будущее международной торговли». Всё было красиво. Всё было именно таким, как она когда-то увидела женщину-синхронистку в телевизоре: Комната, где решается.

— Ну что, международница, — сказала Ольга из темноты своей половины, не открывая глаз. — Поздравляю. Ты выиграла грант, пальму первенства и право на памятник между пунктами про радиаторы и Валеру. А теперь главное. Запоминай. Она повернулась на бок. Очки блеснули в свете фонаря.

— Поздравляю, ты выиграла право носить кофе.

— Почему кофе? — спросила Вера в темноту.

— Потому что практика, Верк. Практика — это когда тебя кормят мечтами и поят работой. А в международном отделе работу носят на подносе. Буквально.

— Ты ничего не понимаешь, — сказала Вера, засыпая. — Я буду делать настоящие дела.

Ольга ничего не ответила. Только тополь за окном пока-

чался. Как качают головой те, кто знает.

Глава 4. Девочка, кофе

Стеклянная башня «Меридиан Интернешнл» вблизи оказалась ещё выше, чем на фотографиях. Она уходила вверх так, что шея уставала раньше взгляда. В зеркальных гранях плыли облака будто здание жило со своей собственной атмосферой и в чужую не пускало.

Первого июня Вера стояла перед турникетами в единственном наряде, который считала достойным: белая блуза, тёмная юбка, мамина заколка в рыжих волосах. Сердце гремело, как отцовский клаксон на М-4

«Помни: ты идёшь не проситься. Ты идёшь смотреть, стоит ли эта контора тебя», говорила мама

-Мне дали практику, Оля. Я должна быть благодарной

-Благодарность — это когда тебя пригласили в гости.

А стажировка, Верк, — это когда пригласили, раздели, поставили раком и сказали: "Иди сюда, у нас большие планы". И планы, заметь, всегда у них такие.

Ладно. Иди. Если к вечеру из тебя выйдет весь оптимизм — я в семь буду с гречкой и грабежом юрица по статье девятнадцать.

-Грабёж юрица?

-Это шутка. Я юрист. Я знаю, что нельзя

Охранник выдал ей пропуск. Временный, на картонной

основе, с липкой лентой. Вера прикрепила его на грудь — уже в лифте. Поехала вверх. На двадцать четвёртом этаже посмотрела вниз — и только тогда прочитала: ВЕРА КОРОВИНА. Она вернулась к охране. — Простите, тут чужая фамилия. Я не Коровина.

— Так в базе, — охранник даже не поднял глаз.

— Ковалёва у нас до вас была. Стажёрка. Пустяк, бумага же.

— Это моя карта. Моё имя. Только фамилия чужая.

— Значит, вы пока не существуете, — сказал охранник с внезапной философской глубиной.

— **Фамилии нет — человека нет. Проходите. Потом она будет**

Она будет помнить эту фразу точнее, чем инструктаж по пожарной безопасности. Потому что это и был инструктаж.

Двадцать четвёртый этаж в первые минуты казался космическим кораблём. Стекло от пола до потолка. Город внизу — маленький, игрушечный, с муравьиными пробками. Открытые пространства. Фикусы, гордые, как здешние сотрудники. И тишина. Особая, дорогая тишина, в которой даже клавиатуры стучали вежливо. Стажёров было трое.

Толик — из людей со связями. Галстук дороже её месяца жизни. Речь с интонациями «мы тут все свои». На третьей минуте знакомства он уже знал секретаря директора департамента по имени. И любил её маму.

Лиза — тихая девушка с лингвистики. Складывала вещи

в идеально ровные стопки. Вздрагивала от лифта.

Куратором стажёров была Лера. Двадцать восемь лет. Идеальный пучок. Помада цвета «успешна во всём». Скорость речи — такая, что половина фраз улетала, не будучи расслышанной. Она провела их по этажу, выдала каждому папку «Вводные задачи» и сказала напутствие, которое Вера потом будет вспоминать как образец жанра:

— Ребята, вы у нас не практиканты, вы — будущие звёзды! Мы верим в вас! Любые вопросы — ко мне, я всегда открыта! Ну, кроме десяти до двенадцати. И двух до трёх. И четырёх до шести. И пятница у меня день созвонов. Но в остальном — всегда!

В папке «Вводные задачи» на четырнадцать страницах перечислялось: *Организация кофе-поинтов* *Бронирование переговорных* *Печать и сканирование* *Поддержка мероприятий* *Иные организационные поручения*

Ни слова про договоры. Ни слова про право. Ни слова про то, зачем она выиграла всероссийскую олимпиаду.

Первое «девочка, кофе» прозвучало в половине двенадцатого первого рабочего дня. Вера стояла у окна и училась дышать здешним воздухом дорогим, кондиционированным, пахнущим деньгами. Её окликнули. Она обернулась. За спиной никого. Обернулась в другую сторону. Тоже никого.

— Девочка! Кофе! — повторил мужчина из углового кабинета, не поворачивая головы от монитора.

— Американо. Без сахара, но чтобы не горчило. Она огля-

нулась ещё раз — на всякий случай. Коридор был пуст, как её надежды. Девочкой была она.

— Да... хорошо, — сказала она в пустоту. И голос прозвенел непривычно тонко.

В общежитии на неё оборачивались все. Всегда. По любому поводу. Здесь она обнаружила у себя новое свойство. Свойство стекла. Сквозь неё смотрели. Её не видели. Красота, которая в общаге работала как прожектор, здесь оказалась фоном: красивых девочек в дорогих офисах много. И все они носят кофе.

К середине июля Вера знала наизусть кофе-карту четырнадцати человек. Лера: «латте на овсяном, а если нет овсяного на миндальном, а если нет миндального, то зачем ты вообще ходила». Денис Андреевич из уголовного кабинета: «американо, без сахара, но чтобы не горчило». Вера так и не решилась объяснить ему, что это взаимоисключающие требования. Как мир во всём мире. До второго акта. Старший юрист Гоша: «двойной эспresso, я сегодня гений». Говорил он это каждое утро. С таким убеждением, что кофемашина, казалось, верила. Из бухгалтерии приходила заявка на «просто кипяток, с сахаром». Это был самый честный заказ на этаже.

«Эй» она тоже освоила. «Эй» из дверей переговоров. «Эй» из-за угла копировальной. «Эй» из-за спины, на ходу. К августу она научилась отличать «эй» раздражённое от «эй» рассеянного. И отвечала на оба одинаково. Вежливо. Ровно. Как отвечает автоматическая дверь.

Родителям она врала красиво.

— Как в кино, мам. Стекло, город. Я буквально живу в договорах. «Буквально живу в договорах» было технической правдой. Если договоры понимать как папки., которые она таскала на сканирование. Папки весили больше, чем вся её жизнь до университета.

Стипендия практики, те самые «круглые семь тысяч» из буклета — уходила на проезд и еду. Ольга молча подкладывала ей в тарелку половину пельменей:

— Мы, юристы, делим пополам. Процессуальная привычка.

По вечерам Вера докладывала, как прошёл день. Ольга слушала и комментировала, как спортивный обозреватель на похоронах:

— Так. «Девочка, кофе» уже было?

— Было.

— А «эй, чай»?

— Было.

— Верк, у тебя классический набор. Стажёрка — это как первый раз: больно, неловко, и все обещают, что потом понравится. Не верь. Потом просто перестают замечать.

— Спасибо, Оля. Очень поддерживающе.

— Я не про поддержку. Я про анатомию офиса. Мужики в костюмах за сорок делятся на два вида: те, кто зовёт тебя «девочка», и те, кто звонит жене, когда тыходишь в комнату. Первых больше. Потому что у вторых звонок, а это целое

усилие.

— Оля.

— Что Оля? Я провожу полевое исследование. Для мемуаров. Глава называется «Фауна двадцать четвёртого этажа». Пока в ней два вида и один поднос.

По ночам в офисе, когда этаж пустел и уборщица, кивая ей, уезжала вниз, Вера делала то, что было запрещено не приказом. А просто отсутствием мысли у всех остальных. Она открывала общий диск отдела. И читала. Договоры. Реальные. Многотомные.

С приложениями, спецификациями, примечаниями. Она читала их так, как читала сто двенадцать тетрадей. До конца. До последней графы. До точки. Потому что все беды живут не в тексте. Все беды живут между текстами. Это был её мир. Единственное место в башне, где она существовала.

В четверг, готовя к печати черновик контракта для Дениса Андреевича, она споткнулась. Приложение два. Пункт восемь. Примечание. Седьмой кегль. Серая краска. Нижний край страницы. Примечание переносило риски приёмки на покупателя. Задним числом. Через отсылку к разделу, о котором в основном тексте было сказано: «стороны признают утратившим силу». Она перечитала трижды. Сверила разделы. Нити не расходились. Ловушка. Настоящая, взрослая. Из тех, что она находила на олимпиаде. Только теперь по ту сторону стекла сидела её собственная компания. Вера написала меморандум. Три страницы. С цитатами, оговорками, вари-

антами правки. Отправила Лере в 00:05. Легла спать с чувством, которое не испытывала с июня: Я полезна. Ответ пришёл в десять утра. Одна строка:

«Вера, стажёры не комментируют рабочие документы. Ваша зона — организационная. Кофе-пойнт на третьем этаже не заправлен, займитесь».

Она перечитала. Ещё раз. «Ваша зона». Как зона отчуждения. Как зона покрытия вай-фая. Она сидела с телефоном в руке, и что-то маленькое и упрямое внутри шептало: но я же права. Ты найди, кто неправ. А потом решай, кто имеет право это говорить.

А в пятницу было общее собрание отдела. Собрания обслуживали стажёры. Вера стояла у стены с подносом кофе-карта четырнадцати человек лежала в ней, как таблица Менделеева, и слушала, как Денис Андреевич рассказывает о статусе контракта.

По приложению два есть момент. Гоша, ты посмотрел? Гоша встал. Светло-серая рубашка. Загар. Уверенность человека, который всегда свеж даже в июле, даже в костюме. Он раскрыл папку.

— Да, я тут покопался на досуге, — сказал Гоша.

— Смотрите: приложение два, пункт восемь, примечание. Седьмой кегль, никто не читает. Через отсылку к разделу, который стороны признали утратившим силу, риски приёмки переносятся на нас. Задним числом. Он выдержал паузу — как учат на курсах. И выдал:

— В текущей редакции договор выигрышен только для одной стороны.

Фраза вошла в Веру, как осколок. Её фраза. Из её меморандума. Слово в слово. До тире. До ритма. До паузы перед «только». Отдел одобрительно загудел. Денис Андреевич похвалил:

«Вот это глаз, Гош. Молодец, что докопался».

Лера захлопала первой помадой вперёд. Кто-то сказал:

«Так держать, старший юрист — это звучит».

И Гоша скромно опустил глаза. Глазами человека, знающего себе цену.

— Девочка, — сказала Лера, не поворачивая головы.

— Убери чашки. Вера стояла у стены с подносом. И слушала, как её собственные слова звучат в чужом рту. Собственные, потому что других у неё не отнимешь. Чужие, потому что спросить было не с кого. Меморандум лежал в общей папке. У общей папки были общие права доступа. И лог, который она посмотрела в тот же вечер, уже не наивная, уже с холодными пальцами, — показывал ровно одно: Файл «меморандум_стажёра.docx» был открыт в среду. С аккаунта Гоши.

Она подошла к столу. Начала собирать чашки. Руки не дрожали. Руки у неё вообще были упрямые. Толик поймал её взгляд через стол. Потом, в коридоре у лифта, пожал плечами с вселенской печалью человека, знающего, как устроен мир:

— Век, ну что ты хочешь. Это не стажёрская история. Это вообще никакая история. Тише едешь — кофе носишь. Учи нетворкинг. Я вот с секретарём директора накоротке. У него день рождения в августе. Я уже подарок придумал.

— Какой?

— Кружку. С его именем.

— А что хотел подарить сначала?

— Своё имя.

Лифт открылся. Вера вошла, нажала «один». И поехала вниз сквозь двадцать четыре этажа чужой правды глядя, как в зеркальной стене плывёт её отражение. Рыжее. Зеленоглазое. С пропуском на чужую фамилию. Наверху её очередь так и не подошла. Очередь у них вообще не была предусмотрена регламентом.

Ольга поняла всё с порога. Вера вошла в комнату семьсот тринадцать. Сказала «привет» нормальным голосом. Дошла до топчана. Села. Сняла туфли одним движением, как снимают доспехи. И только потом заплакала. Без всхлипов. Сидя прямо. Глядя в стену. Так, как плачут люди, у которых слёзы вышли внезапно. И которых это разозлило. Ольга отложила учебник. Молча налила чай. Села рядом. Секунд тридцать обе молчали. Тополь шумел за двоих.

— Так, — сказала Ольга наконец.

— Давай по порядку. Кто. Как. И надо ли ехать к нему с монтировкой? Она до сих пор в рюкзаке, между прочим. Я её вожу на всякий случай. Случай, как видишь, назревает.

— У меня украли работу, — сказала Вера в стену.

— Мой меморандум. Его нашёл «на досуге» старший юрист и доложил как свой. С моими словами, Оля. Дословно. А я стояла с подносом. Меня попросили убрать чашки. В этот самый момент попросили. Ольга помолчала. Потом сказала очень тихо и очень зло так, что стало ясно: шутки ушли. И ушёл шутник:

— Имя. Фамилия. Отчество. Просто чтобы я знала, кого проклинять.

— Гоша. Неважно.

— Важно. Хорошо. Го-о-оша, — она произнесла это имя так, как произносят диагноз.

— Значит так. Сейчас ты пьёшь чай, а я говорю. Не перебивай: у меня юрфак, стаж и восемнадцать лет практики несогласия. Первое. — Она подняла палец. — Тебя не украли. У тебя украли лист бумаги. Разница принципиальная: бумагу можно переписать. А тебя они переписать не могут. Сколько ни открывай файл. Второе. — Второй палец. — Они не видят тебя не потому, что ты невидима. А потому что им удобно тебя не видеть. Это разные вещи. И между ними вся разница между погодой и климатом. Погода пройдёт. Третье. — Третий палец дрожал от ненависти к Гоше. — Он взял твой текст, потому что слабый. Сильные воруют добычу. Слабые чужие выводы. Запомни. Пригодится в дипломной. И на Гошиной судимости.

— Мне это ничего не даёт, — сказала Вера. — Он стар-

ший юрист. Я девочка с подносом. На моей стороне правда. А правда без свидетеля стоит ноль.

— На твоей стороне правда и ты. А теперь главное. Слушай. Это то, за что потом будешь меня благодарить. Может, даже вслух я обожаю такое. Она отпила чай.

— С этого дня всё, что ты делаешь, ты делаешь дважды. Один раз для них. Второй для себя. Копия. Дата. Себе на почту. Каждый документ. Каждую находку. Каждую свою мысль — фиксируй. Мир, в котором мы живём, Верк, верит бумажкам. Он ничего больше не верит ни словам, ни слезам, ни олимпиадам. Только бумажкам с датой. Так будь бумажкой. Стань самой занудной бумажкой этого этажа. И четвёртое. — Она допила чай. — Между нами самое важное. Они платят тебе семь тысяч и кофе. Ты им платишь жизнью. Курс не сходится, Верк. Сходящиеся курсы мы называем работой. Несходящиеся опытом. У тебя сейчас опыт. Дорогой, чёрт возьми. Он выйдет замуж за первый же договор, который тебе разрешат прочесть.

— Оля, я не могу уйти. Я всю жизнь шла к этому. Сто двенадцать тетрадей. Мама серьги не продала. Я выиграла все-российскую олимпиаду и меня зовут «девочка». Я хочу быть полезной. А я мебель. Мебель, которая приносит кофе. Тополь качнулся. Ольга поставила кружку. Посмотрела на неё поверх очков долго, внимательно. Как смотрят на договор, который вдруг перестал быть скучным.

— Слушай сюда, рыжая. Я видела кучу людей, которые в

твои годы уже всё решили. Им удобно, их хвалят, их видят и они стоят на этом, как на табуретке. Вроде устойчиво. А подставки нет. А ты сидишь на полу. На холодном. Некрашеном. Знаешь, чем плохо сидеть на табуретке? С неё падают. А с пола, Вера, вставают. Она сунула ей кружку с чаем. — Пей. И запомни мой диагноз: они потеряют тебя однажды. Мгновенно и безвозвратно. И в этот день на этаже станет очень заметно то, что было заметно всегда. А пока дочь отца, у которой серьги не проданы, не имеет права раскисать из-за Гоши. Гоши вообще нет. Гоша — это опечатка, которую жизнь потом сама исправит. С процентами. Я юрист. Я умею считать неустойку. Вера засмеялась. Сквозь сопли. Некрасиво. Икнув. Настоящее, живое, общаговое, который лечит лучше всех меморандумов мира.

— Пошла ты со своими процентами.

— Вот. Улыбается, — удовлетворённо кивнула Ольга. — Всё. Сегодня ты плакала ровно девять минут. Лимит исчерпан. Завтра встанешь, придёшь. И когда скажут «девочка, кофе» посмотришь им в глаза и подумаешь: «девочка, кофе — это я». А это, между прочим, Верк, совсем другая фраза. В ней — я. И звучит она с угрозой.

Ночью, когда Ольга засопела в своей половине, Вера достала пропуск. Чужая фамилия белела на картонной основе. *КОРОВИНА.* Вера долго смотрела на неё в свете фонаря из-за тополя. Потом достала монетку. И начала соскребать. Шелуха поддавалась медленно. Кроша сысь под ногтем.

Она скребла аккуратно по букве, пока от фамилии не остался серый ворс и ничего. Только «ВЕРА». Крупно. Некрасиво. На голом картоне. Так и пойду, подумала она. Не Корова. Просто Вера. Пока просто Вера.

Розовые очки треснули в тот июль тихо.

Без осколков.

Глава 5. Пыль

Август вошёл в город, как хозяин, которому всё должны.

К десяти утра асфальт плавился. Воздух над площадью дрожал. Стеклянная башня «Меридиан» отражала выцветшее небо такое же белёсое, равнодушное, без единого облака.

Внутри башни был свой климат.

Восемнадцать градусов. Запах денег. Запах кофе.

Вера знала этот климат наизусть.

Она ненавидела его каждой клеткой.

Пропуск на её груди больше не был чужим. «КОРОВИ-НА» она соскребла монеткой за одну ночь. Буква за буквой. До серого ворса. Осталось только «ВЕРА».

Некрасиво. На голом картоне. Как надпись на коробке. Но хотя бы её.

Две недели прошли с того пятничного собрания. Гоша процветал: его выдвинули в проектную группу «Атлант Групп» контракт с энергетиками, о котором мечтают старшие юристы четвёртого года работы.

Фразу «в текущей редакции договор выигрышен только для одной стороны» он произносил теперь на каждой встрече.

С лёгкой усталостью человека, который гениален настоль-

ко, что уже устал от собственной гениальности.

Лера кивала. Денис Андреевич одобрительно молчал. Вера носила кофе. Она делала это молча. Ровно. Безупречно. И с ненавистью, которую приходилось носить внутри — как носят камень за пазухой.

Она ненавидела запах кофе: с июля он бил в нос, как наштабь. Ненавидела звон принтера. Дзыньканье лифта. Слово «девочка», произносимое восемью разными голосами.

Больше всего она ненавидела себя — за то, что каждое утро первая мысль не «доброе утро». А «осталось девятнадцать дней». Счётчик она вела на внутренней стороне блокнота. Ольга называла это «сроком отбывания» и требовала отмечать дни цветными ручками. Вера не отмечала. Она просто считала.

По вторникам она врала маме.

— Мам, у нас тут проект. Я буквально живу в договорах.

В тот вторник мама вдруг замолчала в трубку. Потом сказала очень осторожно, как говорят о болезни:

— Верк. Папина фура в Твери встала. Турбина. Сорок тысяч... Ты там как? С деньгами нормально?

— Нормально, мам. Стипендия практики.

Она повесила трубку и посчитала в уме.

Стипендия — семь тысяч. Минус проезд. Минус еда. Минус Олин суп, который она ела уже две недели «за компанию, юристы делят пополам».

Цифра вышла отрицательная.

Упрямая, как всё в её жизни.

И впервые — не поддающаяся упрямству.

В ту же ночь она зарегистрировалась на фриланс-бирже. Анкета без отзывов. Рейтинг без истории. Фотография без лица. Она висела в списках исполнителей, как непроданная вещь на распродаже. Вроде хорошая. Но кто проверял?

А по ночам она всё равно читала. Это было сильнее её. Документы шли через её руки дважды: на печать и на подшивку. И она читала. Всегда. От корки до корки.

Рука сама спотыкалась о кривые строки.

Доверенность, где имя доверителя не совпадало с уставными документами на одну букву. Но на букву, которая стоила процедуры. Лицензия контрагента, истекающая за неделю до поставки. Формула неустойки, где процент стоял за скобкой и считался не от суммы договора, а от суммы неустойки. То есть ни от чего.

Трижды за две недели она писала Лере:

«При подготовке к печати заметила, что...»

Лера отвечала: «Ок».

Или не отвечала.

Ошибки исправлялись молча. Благодарность доставалась тому, кто находил их повторно — то есть тому, кто читал вслух на совещании. Однажды Денис Андреевич сказал: «Гоша, молодец, что поймал формулу». Формулу Вера вытащила за четыре дня до этого. Гоша скромно принял.

Вечером она позвонила Ольге. Прямо с кулера, шёпотом,

глядя в потолок.

— Он опять. Слово в слово моя формулка. Про скобку.

— Уточни у него, — голос Ольги был ласков, как пила по металлу. — Скобку он тоже у тебя взял или уже свою придумал? Хотя что я. Человек, который ворует чужие скобки, больше ни на что не способен. Это же воровство на уровне запятой. Микрокредитование интеллекта.

— Оля, я устала.

— Верк, слушай мой профессиональный прогноз. Он украл твою мысль. Мысль — это голова. Он украл твою голову. В брачном обряде после такого положено хотя бы поднос подарить. А он даже кофе тебе не налил. Сам. Из своей чашки. Эгоист.

— Ты мне не помогаешь.

— Я тебе не сочувствую. Я тебе картину рисую. Запомни этот вечер, рыжая. Когда-нибудь ты будешь рассказывать его в интервью. И там будет фраза: «А потом один юрист украл мою скобку». И все будут ржать, а он нет. Потому что к тому моменту скобкой будут прижимать его дело к папке.

Она положила трубку. Пospешила уточнить:

В среду всё случилось. В 23:20 в общую папку стажёров упал файл. «Атлант_финал_v7_печать».

Сообщение от Гоши пришло в мессенджер. Без приветствия:

«Стажёр. Распечатай 12 экз. Подшить. К 8:45 в Кассио-

пее».

Кассиопея — самая большая переговорная на двадцать четвёртом. Стекло в пол. Стол на двадцать человек. Вид на реку. Утром там начиналась встреча по «Атлант Групп». Допуск к основному контракту. Второй раунд. Об этом на этаже говорили три недели.

Вера пришла в офис к полуночи.

Одна. На весь этаж. В темноте, освещаемой только аварийными полосами вдоль пола. Печатная жужжала, как улей. Она поставила первую партию. Открыла файл. Привычно. Машинально. От корки. На четырнадцатой минуте рука споткнулась.

Приложение два.

Дата в шапке — март.

Основной договор — июнь.

Приложение не могло быть старше договора, к которому прилагалось. Так не бывает. Так не может быть.

Она открыла историю версий.

История показывала: в 23:02 Гоша внёс правки в основной договор. Приложение осталось от версии от четырнадцатого марта. Кто-то — усталый, в спешке — собрал финальный файл из свежего текста и старого приложения.

Она открыла мартовское приложение. И через минуту нашла то, от чего у неё свело пальцы. Пункт про арбитраж. Лондон. Который в июне по итогам переговоров заменили на Стокгольм. По требованию энергетиков. Старый текст —

с Лондоном.

Если это положить на стол, клиент увидит: контрагент держит в рабочей версии формулировку, о снятии которой договорились письменно. Для энергетиков это не опечатка.

Это повод усомниться в добросовестности вообще.

В 23:47 она написала Лере:

«Файл Атлант_финал_v7: приложение два от марта. Арбитраж — Лондон, вместо согласованного в июне Стокгольма. Какая версия правильная? Печать останавливаю до подтверждения».

Себе — копию. Скрины — в почту.

По олинной системе.

В 23:52 ответил Гоша:

«Печатай что дали. Приложение в порядке. Не придумывай».

«Я не придумываю. Дата и арбитраж не совпадают с июньскими договорённостями. Подтвердите, что печатаем v7 как есть».

«Стажёр. У меня 12 экз к 8:45. Что непонятно?»

Что оставалось делать человеку, которому двадцать три года не оставляют права быть правым?

Она написала: «Прошу зафиксировать в переписке, что я сообщала о расхождении».

Он не ответил.

Она напечатала.

Двенадцать экземпляров. Пружины. Обложки. Ровные

стопки.

Ушла в 1:40. В пустом ночном вагоне, глядя на своё отражение в тёмном стекле.

Утром в 8:37 она разложила папки по местам.

В 8:45 вошёл клиент.

Энергетики приехали вшестером. Впереди — женщина с ниткой жемчуга и взглядом таможенника. Валентина Юрьевна. Юрист «Атланта», о которой на этаже говорили шёпотом, как о проверке из налоговой. Вера стояла у стены. С кувшином воды и подносом. Её законным местом. Её зоной.

Полчаса всё шло хорошо. Вера знала это по голосам: Денис Андреевич рассказывал про сроки, Гоша вставлял «коллеги совершенно справедливо отмечают». Оживление. Смех.

Потом Валентина Юрьевна дошла до приложения два. Вера увидела, как остановился её палец. Палец поехал по строке назад.

Палец поехал по строке назад.

Ещё раз.

Женщина сняла очки. Протёрла их краем платка — очень спокойно, очень медленно. Надела обратно.

— Денис Андреевич, — сказала она. — Я, кажется, устала за сегодня. Или вы мне поясните, каким образом в финальной редакции, которую вы возили на согласование в июне, оказалось приложение от четырнадцатого марта.

С лондонским арбитражем.

Который мы сняли.

Тишина, которая наступила, была той самой. Звонящей.
В которой слышно, как гудит свет.

— Валентина Юрьевна, сейчас, дайте я посмотрю...

Денис Андреевич перелистывал. Быстрее. Ещё быстрее.
Лист остановился.

И Вера видела из-за плеча, как по его шее ползёт красное.

— Здесь написано «Лондон», — ровно сказала женщина с жемчугом. — Мы в июне письменно зафиксировали Стокгольм. Если финальные версии вы собираете из черновиков марта, у меня вопрос уже не к приложению. А к вашему документообороту в целом.

— Это техническая ошибка. Техническая. Мы, разумеется...

— Технические ошибки бывают в телефоне. В договоре на девять миллиардов бывает позиция.

Она закрыла папку.

— Мы возьмём паузу. Вернёмся, когда вы покажете редакцию, в которой уверены сами.

Стулья отодвинулись. Рукопожатия — сухие, короткие.

У двери Валентина Юрьевна обернулась. Посмотрела через весь стол — на Веру, у стены, с подносом.

— Девушка. Проверьте, что подшиваете.

Дверь закрылась.

Сначала был гробовой шёлк.

Потом голос Гоши — спокойный, подготовленный. С усталой ноткой человека, которого подвели:

— Я отправил финальную версию в 23:20. Это в общем журнале. Дальше файл был у стажёров. Я не знаю, что там происходило с печатью. Я свою часть сделал.

«Она».

Не имя. Просто «она».

Так говорят о погоде и о неисправностях.

— Вера?! — Лера развернулась к ней вся, как компас. — Ты печатала?

— Да.

— И ты не видела, что там приложение от марта?

— Видела.

По переговорной прошло движение. Как по воде от брошенного камня.

— Видела, — повторила Лера.

— Файл пришёл в 23:20, — сказала Вера. — В 23:47 я написала вам на почту: приложение от марта, арбитраж — Лондон вместо согласованного Стокгольма. Печать я остановила. Ответа не получила. Написала Гоше Иванову в 23:52, приложила скрины. Ответил: «Печатай что дали. Не придумывай». Я попросила зафиксировать моё сообщение — он не ответил. Всё это есть в моей почте.

С датами.

Она держала телефон. Ровно, на вытянутой руке.

Как щит.

Денис Андреевич подошёл. Взял телефон — не спросив. Просто взял.

И это почему-то было хуже всего.

Он читал. Долго. По переговорной было слышно, как за стеклом ворочается река.

— Значит, так, — сказал он наконец, возвращая телефон. — Ты видела расхождение. Понимаешь? Ты. Видела. Взрослый юрист с двенадцатилетним опытом работает до ночи. Собирает тебе версию. А ты, стажёрка, видишь расхождение — и что делаешь?

Печатаешь.

— Я написала...

— Написала! — он почти засмеялся. И смех был страшнее крика. — Ночью. На почту. Лера, ты получала?

— У меня ночью телефон на беззвучном, — сказала Лера с достоинством пострадавшей. — И вообще, Вера. Если ты видела проблему, твоей прямой обязанностью было позвонить. Любой нормальный человек позвонил бы.

— Я не знала ваш номер.

— Не знала номер! Не дозвонилась! А папки, между прочим, подшила! Двенадцать штук! Ты понимаешь, что сегодня человек, у которого двенадцать юристов в штате, усомнился в нас? Из-за тебя!

— Из-за неё, — мягко подтвердил Гоша. Глядя на свои часы.

— И ещё одно, — Денис Андреевич понизил голос. И это

было хуже крика, потому что в тишине его стало слышно каждому. — Мне Гоша говорит, ты читала рабочие файлы. Куда тебе не давали доступа. Это правда?

Тишина.

— Я готовилась, — сказала Вера. — Я хотела быть полезной.

— Тебя никто не спрашивал, чего ты хочешь.

Он поправил запонку. Взгляд скользнул по Вере — сверху вниз, как по инвентарю.

В нём не было злобы. Ни даже презрения.

Только лёгкая, бытовая неприязнь человека к предмету, загромоздившему проход.

— Ты нам мешаешь, — сказал он. — На эту тему разговор с тобой закончен. Разговор с тобой вообще странная вещь. Потому что пыль из-под ногтей, девушка, не обсуждают.

Пыль вытирают. Иди вытирай. Столы там у вас. Кулеры. Всё, что в твоей зоне.

Он уже отвернулся. Совещание с вещью было окончено.

Но Лера тронула его локоть — и он позволил. Лера подошла ближе. Голос у неё был бархатный, участливый. Рассчитанный на то, что слышат окружающие:

— Вера. Между нами, по-человечески: я тебя понимаю. Ты не со зла. Ты просто не понимаешь масштаба. Но давай посмотреть правде в глаза: выбор у тебя невелик. Отработай спокойно остаток тихо, без самостоятельности и я напишу тебе характеристику. Настоящую. Со строчкой «Меридиан Ин-

тернешнл, международный отдел». Ты же понимаешь, что эта строчка сейчас дороже всех твоих обид? Ты же умница. Ты не хочешь, чтобы твои два месяца превратились в пыль?

Она улыбнулась.

— В смысле, знаешь, куда девается пыль.

Вера стояла и смотрела на неё сверху вниз. Метр семьдесят пять позволяли. И молчала. Потому что было нечего. Все слова уже были использованы.

В копирке её догнала Лиза. Тихая лингвистка закрыла дверь, прижалась спиной к шумящей машине и выпалила шёпотом:

— Я слышала. Вчера, на кухне, допоздна отчёт печатала. Как он тебе писал. «Печатай что дали». Я всё слышала.

— Я знаю.

— Почему ты не сказала им?!

— Я сказала. С датами.

— Не им. На собрании. Сразу. При всех. — Лиза теребила край рукава. — Я могла подтвердить. Я видела твой экран.

— Почему не подтвердили?

Лиза молчала.

Потом сказала тихо, отчаянно, как признаются в постыдном:

— Потому что я боюсь. Слышишь? Они его не тронут. А меня и за слова сожрут, и обвинят. Ты красивая и умная, тебя ненавидят просто так. А меня сожрут заодно.

Она сунула Вере в руки маленькую шоколадку.

— Это не извинение. Извинение было бы по форме. Это просто... держи. Ты одна тут нормальная.

Вечером у лифта Толик, поправляя галстук дороже её месяца, выдал напутствие с вселенской печалью:

— Верк, выучи на будущее. Мир не спрашивает, кто прав. Мир спрашивает, кто может себе позволить. Он может. Ты — пока нет. Улыбайся. Улыбку никто не проверяет по версиям.

Вера писала объяснительную в ту же ночь.

Три страницы. Хронология с точностью до минуты. Скрины. История версий, выгруженная в PDF. Утром отнесла Лере. Лера пролистала быстро ногти стучали по папке, как град по подоконнику. Поставила её в ящик стола. С неожиданным удовольствием.

— Умница. Вот видишь, как ты умеешь, когда захочешь. С датами. Со скринами. Юрист растёт. Но мы этим пользоваться не будем.

— Почему? Это правда.

— Потому что правде сейчас в отделе делать нечего. Отделу нужна тишина. Клиенту — уверенность. А тебе нужна характеристика. Я не вижу здесь противоречия.

— Я оставлю копию себе.

— Конечно, — Лера кивнула. — Юристы такие. Хранят всё.

В коридоре Вера поняла простую и страшную вещь, которой не было ни в одном учебнике.

У правды нет силы.

У силы нет правды.

И пока у неё нет ни того, ни другого, её «с датами и скринами» — просто красивая папка в чужом ящике.

Ольга прочитала её лицо с порога. Целиком. Как читают заголовки. Ни одного вопроса. Поставила чайник. Достала две кружки. Села напротив.

— Имя.

— Гоша.

— Понятно. Вношу в сноску номер два.

Рассказывай по порядку. Я сегодня никому не отвечаю грубостью. Я коплю материал для дипломной. Тема: «Зло в костюме от масс-маркета».

Вера рассказала. Всё. От 23:20 до «иди вытирай». Ровно, как читают протокол. Ольга слушала не перебивая. Только желваки на её лице ходили, как жернова.

— Так, — сказала она наконец. — Первое. У меня плохая новость: они не монстры. Монстров можно убить. Это система. А систему убить нельзя. Её можно перехитрить. Занять её место. Или уйти так далеко, чтобы она стала пылью. Из-под ногтей. Какая, к слову, прелестная у них там терминология. «Пыль вытирают». Слышала? Это не приказ, Верк. Это их кредо. Весь двадцать четвёртый этаж так живёт: вытирают друг другу душу с пола и очень довольны.

— Оля.

— Что Оля? Я антрополог поневоле. Второе. Этот твой

Денис Андреевич сказал «иди вытирай» человеку, который трижды спас его сделку? Верк, если бы грубость конвертировалась в потенцию, этот офис уже заселил бы Марс. А так восемнадцать градусов, кофе и семеро смелых на литр кондиционера. Неудивительно, что они такие злые. У них перманентное фрустрационное расстройство коллективного масштаба. Диагноз ставлю бесплатно.

— Он забрал у меня телефон. Из рук. Прочитал мою почту.

— Знаю. И вот что я скажу. Мужчина, который читает чужую почту и не может дочитать договор, — это не юрист и не глава отдела. Это агент 00хрен. Лицензию отобрали, а привычка осталась.

Вера фыркнула. И тут же скисла.

— Мне это ничего не даёт, Оля. Он прав в одном. Строчка «Меридиан Интернешнл» сейчас мне нужнее всей правды.

— Знаю, — Ольга вдруг сказала это тихо. — Поэтому я не скажу тебе «уйди». Я скажу то, что ты вспомнишь через годы. Дословно.

Она отсчитала по пальцам:

— Дели унижение на дни. Девятнадцать дней. Одна строчка. Получается, каждая буква в слове «Меридиан» стоит тебе три дня молчания. Дорогая покупка. Но ты уже в сделке и выходить сейчас дороже. Прости. Я юрист. Я не могу не посчитать.

— Ты не юрист. Ты студентка.

— Я юрист внутренне. Внутренне я вообще мировой судья и третейский разбиратель. Итак, вердикт внутреннего суда: за воровство меморандума Гоше назначаю пожизненное клеймо. Не сейчас. Позже. Мы, юристы, встречаемся с должниками не сразу. Но с процентами.

Она дотянулась и коротко, крепко сжала её руку.

— А теперь ешь суп. Юристы делят пополам. Процессуальная привычка.

— Пошла ты со своими процентами.

— Вот, — удовлетворённо кивнула Ольга. — Улыбается. Всё, сегодня ты плакала ровно ноль минут. Рекорд. Завтра встанешь, придёшь, и когда скажут «девочка, кофе» — посмотришь в глаза и подумаешь: «девочка, кофе — это я». А это, Верк, совсем другая фраза.

В ней — я. И звучит она с угрозой.

Поздно ночью пришло мамино фото. Разобранная фура в Твери. Брезент. Фонарь. Подпись: «Турбина 42 т.р. Папа говорит как-нибудь сами. Но если что — продадим серьги. Я передумала их беречь. Зато дочь есть».

Вера смотрела на это фото долго.

Потом открыла ноутбук.

Счёт показывал 340 рублей. И минус в приложении транспортной карты. Стипендия — через двенадцать дней. Осталось девятнадцать дней практики. Сорок две тысячи долга. И одна строчка в резюме, за которую она продала себя по буквам.

Она открыла биржу.

Список заказов грузился медленно. Курсовые. Лендинги. «Написать поздравление тётке в стихах, 500 р.». Переводы по три рубля за знак. Она составила анкету — честную, скромную, без единого отзыва.

И поняла: в этом списке она ничто.

Как в башне.

Пыль.

Глава 6. Девятнадцать дней

Кстати, о фамилии.

Настоящая у неё была — Ковалёва. Вера Ковалёва. Мамино — «Верк». Папино — «дочь». Но база «Меридиана» знала её как «Коровину» чужую фамилию, доставшуюся от прошлой стажёрки. Клерк тогда махнул рукой: «Бумага же».

За неделю «Коровина» обросла шутками. Про молоко. Про стойло. Про «не мычи, ты мне не коровина».

Смешно. Наверное. Кому-то.

Вера соскребла её монеткой за одну ночь — буква за буквой, до серого ворса. На пропуске осталось одно слово:

ВЕРА.

Так она и ходила. Настоящая фамилия дома, в паспорте. Чужая на груди. И ни одной своей там, наверху. А всё, что она с этого дня отправляла себе на почту, она подписывала «Коровина». Пусть враг и улики носят одно имя.

Оставалось девятнадцать дней.

Этаж после «Атланта» был похож на квартиру после скандала: все улыбаются, никто не спит. Сделка висела. Денис Андреевич летал в Петербург гладить клиентское эго. Лера заказывала кофе в два раза слаще обычного.

И только у Веры жизнь вошла в накатанную колею: кофе. Печать. Подшивки. «Девочка». «Эй».

Кофе-карта пополнилась. Главный бухгалтер: «кипяток, с сахаром» по-прежнему самый честный заказ этажа. А из бухгалтерии пришёл и первый рассказ про её фамилию:

— Коровина! Дай молока в кофе, ты же по фамилии специалист.

Смех был негромкий. Рутинный.

Так смеются не над анекдотом — над порядком вещей. Вера улыбнулась. Ровно. Как автоматическая дверь.

Вечером доложила Ольге.

— Специалист по молоку? — Оля выдохнула в трубку. — Верк, я знаю, как тебе отомстить. Начни реальную биографию: молочная сестра, доярка года. Верк, они сами дали тебе бренд. Через пять лет, когда тебя будут цитировать на всех договорных форумах, кто-нибудь случайно ляпнет «Коровина» и зал ляжет. Запомни: лучшая месть, это когда твой позорный ник становится твоим титулом.

— Оля, мне не смешно.

— Знаю. Поэтому смеюсь за двоих. У меня юридический факультет, я привыкла нести чужое.

А на четвёртый день начался Глеб.

Он пришёл с кофе.

Сам. Принёс. Ей.

Двойной латте на овсяном — её заказ, который он не мог знать. Который мог — она видела: он стоял рядом, когда Лера диктовала.

— Держи, — сказал Глеб. — Мы же не враги.

Он стоял у копирки, загорелый, свежий, с лицом человека, которому простили всё, чего он ещё не сделал.

— Я не злюсь, — сказал Глеб. — На тебя. Я злюсь на ситуацию. Ты пойми: ночная смена, двенадцать экземпляров, нервы. Все люди. Давай забудем?

— Я не помню, — сказала Вера. — Я фиксирую.

— Вот! — он просиял, будто это было согласие. — Умница. Я всегда говорил: эта девочка пойдёт далеко. Кстати. У меня в проектной группе освобождается место.

Пауза. Рассчитанная.

— Тёплое место, — сказал Глеб. — Рядом со мной. Хочешь обсудим условия? Я гибкий.

Вера смотрела на стакан в его руке. Думала о том, что кофе теперь пахнет для неё нашатырём.

— Мне не нужно место рядом с вами, — сказала она. — Мне нужно, чтобы письма от 23:47 лежали там, где лежат.

Улыбка у Глеба не дрогнула. Улыбка у Глеба была прищипта намертво.

— Ты чего такая? Я же по-хорошему.

И добавил — тихо, почти ласково, глядя на её губы:

— Я вообще добрый. Я не кусаюсь. Ну. Разве что попрошишь очень вежливо.

Вечером Вера пересказала это Ольге дословно. Ольга молчала секунды три. Потом издала звук, который Вера слышала у неё только дважды: смех, переваривающий ярость.

— «Я гибкий»... Верк, запомни фактологию: мужчина, который говорит «я гибкий», гнётся только в одном месте и это не характер. И «тёплое место рядом со мной»! Он тебе вакансию предлагает или психотерапию? У него же предложение, как у стрижки у сторожа: вроде бесплатно, а потом стыдно в зеркало смотреть.

— Оля.

— Что Оля! Я протоколирую. Знаешь, кто он по классификации? Сексуальный домогатель бюджетного сегмента. Домогательства без бюджета, это когда даже взятку предложить нечем. Он не соблазняет, он *экономит*. Запомни этот кофе, Верк. Это не кофе. Это инструмент. У пауков, между прочим, тоже так: сначала принесут еду, потом танцуют. Не пей паучий кофе. После угощения у них сразу танцы.

— Он хочет, чтобы я удалила письма.

Трубка затихла.

— Ничего ты не удаляешь, — сказала Ольга. Другим голосом. Плоским и тяжёлым. — Слушай протокол. Первое: копия на почту. Второе: копия в облако. Третье: распечатай и отправь маме. Мамы хранят лучше серверов, серверы горят, а мама — никогда. И четвёртое. — Пауза. — В лифт с ним не входить. Никогда. Даже если он держит дверь. *Особенно* если он держит дверь.

В четверг она осталась допоздна.

Утром — договор для Дениса Андреевича, двадцать экземпляров, к девяти. Печатная на этаже была одна, и она

зажевала лист — задела за валик, покорёжила. Вера пошла за новой пачкой бумаги. Подсобка была в конце коридора. Небольшая, с полками до потолка: коробки с бумагой, старый принтер, пылесос, стремянка. Лампочка на проводе. Пахло картоном, пылью и хлоркой. Она нашла пачку. Потянулась за ней — на верхней полке, на носках.

И услышала, как скрипнула дверь.

— Помочь?

Голос Глеба.

Она обернулась.

Он стоял в проёме. Закрыв за собой дверь — мягко, без щелчка, ключом со стороны коридора повернул язычок.

Профессионально.

— Глеб Витальевич. Мне нужно вернуться к печати.

— Успеешь, — сказал он. — Печать умеет ждать. Учитесь у принтера.

Он шёл вдоль стеллажей неторопливо, как по своему кабинету. Остановился в шаге. Близко. Запах его одеколона был холодный и дорогой под ним тёплый, живой пот.

— Ты чего от меня бегаешь? — сказал он. — Я же не кушаюсь. Ну. Разве что попросишь очень вежливо.

Он поднял руку и тронул её рыжую прядь. Пальцы прошли по волосу медленно, до самого кончика.

Кожа Веры похолодела вся, разом.

— Не надо, — сказала она.

— Вот и не надо, — согласился он. — Не надо «не надо».

Мы же взрослые люди. Я тебя не обижу. Я тебе предлагаю нормальные вещи: место, разговор, будущее. А ты со мной как... как со стёклами этими. Сквозь меня смотришь.

Он взял её за запястье. Легко. Как бы невзначай.

— Умные девочки, Вера, всё понимают с полуслова.

Он потянул — несильно, но так, что стало ясно: несильно пока. Она упёрлась свободной рукой в полку. Картонные коробки качнулись. В спину сквозь блузу упёрлось ребро стеллажа. Лампочка на проводе качнулась, и тени поехали по стенам.

Он шагнул вплотную.

И прижал её к полкам.

Не больно. Бережно. С той страшной бережностью, с которой ставят подпись под чужим документом: он уже всё решил. Он ещё не сделал ничего и это было хуже всего, потому что всё уже было подписано внутри у него.

— Не дёргайся, — сказал Глеб ей в макушку. — Я не кусаюсь. Ну... разве что попросишь очень вежливо.

Времени у Веры было мало. Она это посчитала так же спокойно, как считала сроки давности: помощь далеко, этаж пуст, дверь закрыта ключом, рука его тянется от запястья выше, вдоль...

Ладно.

Её оружием всегда было слово.

— Статья сто тридцать три, — сказала Вера.

Он не остановился.

— Понуждение к действиям сексуального характера, — сказала она ровно. Голос не дрогнул она была благодарна ему за это, потом, задним числом, всем тренировкам у доски. — Уголовный кодекс, особенная часть. Она, Глеб Витальевич, реальная. В отличие от твоих извинений.

— Какая... — он засмеялся ей в волосы. — Ты же девочка. У девочек нет папок.

— У меня всё с датами, — сказала Вера.

Он замер.

Она почувствовала, как замер всем весом, всем тёплым дыханием.

— Копия — на почту. Копия — в облако. Бумажная — у мамы, — сказала она в его воротник. — Меморандум. «Атлант». Лог доступа — файл открыт в 23:41, аккаунт твой. Твоя переписка «печатай что дали». Ты сам меня научил: мир верит бумажкам, Глеб Витальевич. Ты сам. Я просто лучшая твоя ученица. У меня на тебя целая папка.

Тишина.

Звонящая, лампочная, пыльная тишина.

А потом лицо Глеба поменялось. Слой за слоем, как снимают вуаль: улыбка, снизошедшая доброжелательность, «мы же не враги» — под ними проступило то, что жило там всегда. Быстро и голодно. Без маски.

— Какая папка, — сказал он тихо. — Какая, к чёрту, папка. Ты сейчас же...

Рука его сжалась.

И тут дверь открылась.

Свет из коридора ударил в подсобку и вместе со светом вошёл грохот: ведро, хлопнувшее о косяк, и швабра, поставленная в него со стуком.

На пороге стояла тётя Люба.

Санитарка этажа. Хозяйка подсобок, хлорки и порядка. Отработавшая в этой башне двадцать два года — без одного больничного, пунктуальная, неконфликтная. Такие, как она, и держат мир: потому что приходят вовремя.

Она посмотрела.

Секунды три. Спокойно, без удивления, — так смотрят женщины, которые видели в жизни больше, чем написано в любых должностных.

— Ой, — сказала тётя Люба. — Заняты.

Глеб отстранился. Отступил. Поправил пиджак — жест, который ничего уже не мог поправить.

— Мы тут работали, — сказал он.

— Конечно, — согласилась тётя Люба. — Работайте. Я не мешаю. Я тут двадцать два года, меня никто не запирает. Дверь, между прочим, снаружи не запирается. Я знаю. Я её мыла.

Она взяла швабру. Встала в проёме вся: маленькая, в сером халате, несокрушимая, как та башня внизу, только нужнее.

— Бумагу берёшь, милая? — спросила она Веру. — Держи. Пачку я подержу, у тебя руки, поди, заняты были.

Вера взяла пачку.

Руки не дрожали.

Руки у неё вообще были упрямые.

— Спасибо, тётя Люба, — сказала она и прошла к двери — вдоль стеллажа, мимо Глеба, не глядя.

У порога обернулась.

— Ничего, — сказала она ему. — Я вернусь к печати. А ты к своим двенадцати экземплярам.

Дверь закрылась.

В коридоре, за первым поворотом, ноги у неё подались.

Она удержалась ладонью о стену. Постояла. Дышала — глубоко, по четыре счета, как учили на физкультуре, когда больше не помогает ничего. Страх, выяснилось, пахнет картоном и чужим одеколоном. И тонером. Тонером больше всего.

Дома она сделала всё по протоколу.

Письмо себе. 23:04. Тема: «Коровина. Четверг». Внутри — всё: время, место, слова, дверь, ключ, тот поворот его руки. До последней детали.

Она рассказала Ольге. Всё.

— Имя, — сказала Ольга вместо приветствия. — Полное. И отчество. Мне для папки.

— Ты же знаешь. Глеб.

— Знаю. Хочу слышать, как это произносится в протоколе. — Пауза. — Рассказывай.

Вера рассказала. Дословно. Как читают протокол.

Ольга слушала молча.

И когда Вера закончила, Ольга не сказала ни одной шутки. Ни одной.

— Так, — сказала она. Голос у неё стал низким и ровным, как у следователя, у которого уже всё есть и которого поэтому уже ничто не торопит. — Слушай меня. Ты не виновата. Я говорю это не как подруга. Я говорю это как юрист, который по таким делам ещё поработает. Ты не виновата — это на первое место, это переписываем от руки, это выучиваем наизусть.

Дальше. Ты сегодня поступила гениально. Знаешь, чем ты его победила? Не монтировкой. Бумажкой. Он тронул человека, у которого всё с датами, вот и вся его биография отныне. Он уже мёртвый человек, Верк. Просто он ещё об этом не знает.

— Оля...

— И последнее. — Ольга помолчала. — Если он тебя тронет ещё раз хоть палец, хоть взгляд дольше трёх секунд, ты мне звонишь, и я приеду. И тогда, Верк, я перестану быть юристом. На десять минут. Потом снова стану и всё сделаю по закону. Но десять минут, Верк... — она выдохнула. — Десять минут я буду не юристом. Спи. У тебя практика. Девять дней.

«Кофе от него — в урну. Урну — вымыть. Ты достойна лучшей посуды»

Оставшиеся дни прошли при белом свете.

Этаж делал вид, что в мире ничего не случилось. Этаж вообще был специалист по «ничего не случилось» за этим туда и приходили. Глеб держался на расстоянии. Здоровался кивком коротким, сухим, как у человека, рассчитавшегося по счетам и не уверенного, что квитанция принята. Один раз они встретились в лифте. Он — вниз, она — за ним, до того как сообразила.

Пять этажей. Тишина.

На четвёртом Глеб сказал, глядя на цифры:

— Ну, дружба.

Вера смотрела на своё отражение в зеркальной стене — между его отражениями, рыжая, в сером.

— У меня всё с датами, Глеб Витальевич, — сказала она.

Глеб больше не сказал ни слова до первого этажа.

Последний день практики был будничным, как вся её жизнь в башне.

Кофе. Печать. Подшивка.

В обед Лера вызвала её к себе — сияющая, в помаде «успешна во всём» и торжественно вручила характеристику. Глянцевый лист. Красивый шрифт.

«Проявляла исполнительность в организационных вопросах».

— Держи, умница, — сказала Лера. — Это ведь много стоит, между нами. Строчка, которую не купишь.

Строчка, которая стоила ей девятнадцать дней по три буквы. Вера взяла лист. Поблагодарила. Вышла. На выходе, у

турникетов, её догнала тётя Люба с тележкой, с ведром, со всеми своими двадцатью двумя годами.

— Держи, — сказала она и сунула Вере в руку яблоко. Большое, красное, из кармана халата. — Ты хорошая девочка. Не такая тут, такие тут другие. — Она оглянулась и добавила, тихо, как передают тайну века: — Бумажки только не выбрасывай. Мы, санитарки, в курсе: пятна они со временем только закрепляются. И чужие пятна тоже.

— Спасибо, тётя Люба.

— Иди, — сказала тётя Люба. — И заходи. Люди думают, мы всё моем. А мы всё видим.

Турникет пропищал, пропуская её наружу.

И на прощание от дверей, не поворачивая головы, — тётя Люба добавила:

— А фамилию твою настоящую, кстати, знает весь первый этаж. Пункт выдачи пропусков. Ковалёва. Красивая фамилия. Не переживай. Опечатки всегда исправляет тот, кто дочитывает.

Ночью, в комнате семьсот тринадцать, Вера сидела на топчане с ноутбуком на коленях.

На счету было 340 рублей.

На телефоне — 2 процента зарядки.

На пропуске — соскреблённая «Коровина» и торчащее «ВЕРА».

Она открыла биржу.

Список заказов грузился медленно, строка за строкой: курсовые. Лендинги. «Стихи тёще, 500 р.». Переводы по три рубля за знак.

Она листала. И листала.

И споткнулась.

Заказ 416.

«Завещание. 3000 р.»

Короткое. Скучное. Без единого отзыва у заказчика.

Вера посмотрела на него долго.

Потом нажала «Взять».

Глава 7. Завещание для незнакомца

Отклик пришёл через двадцать минут.

Голосовое. Сорок секунд.

Под хрипотой пела вытяжка. Гремела кружка о стол.

— Здравствуйте. Это Валентин Петрович. Ну, то есть я Валентин Петрович. Вы не бойтесь, я не пьяный, я просто после работы. Я сторож теперь. А раньше — тридцать один год машинистом тепловоза. Вы уж простите, что голосовые. Печатаю я, как курица лапой.

Вера переслушала трижды.

За восемь месяцев в башне она не слышала ни одного голоса, который бы извинялся перед ней.

Здесь извинялись в первый раз. Она ответила текстом — вежливо, по делу. Список вопросов: что осталось из имущества. Кто наследники. Кому и что хочет оставить. Есть ли нетрудоспособные иждивенцы.

Ответ пришёл через два часа.

Он не просто отвечал — он собирался. Ровно два часа ровнял слова, как ровняют пиджак перед входом в кабинет.

«Квартира. Одна. Двушка в Белово, хорошая, тёплая, окна на юг. Жена умерла четыре года назад, царствие небесное.

Сын в Норильске. Не был девять лет. Звонит на день рождения. Всё»

— А кому хотите оставить?

Пауза была длинная. Вера успела поставить чайник, помыть кружку, вернуться.

«Соседке. Алле Николаевне. Она мне два года после инсульта еду носила. Каждый день. В любую погоду. И ничё не просила, представляете? Я ей говорил: Алла, ну хоть чай пей. А она: некогда мне, у меня кошка»

Вера сидела на топчане, глядя в экран.

Тополь шумел за двоих.

В башне ей две недели не могли запомнить имя — звали «девочка», «эй» и «по фамилии специалист».

Здесь человек, которого она никогда не увидит, два часа подбирал слова, чтобы объяснить ей, почему соседка заслуживает его квартиры.

— А сын? — написала она. — Наследники первой очереди — он. Квартиру можно оставить и не ему, но нужно понимать: кому дачу, кому вклад?

Ответ шёл ещё дольше.

Она почти уснула и проснулась от вибрации.

«Сына обидеть не хочу. Он не плохой. Он просто далеко и у него своя жизнь, бывает. Квартиру я Алле. А у меня дача есть и вклад, маленький, но есть. Сыну — дачу и вклад. Пусть будет. Пусть думает, что я помню»

Пусть думает, что я помню.

Вера перечитала это трижды.

Так не пишут заказы. Так пишут письма.

На следующий день он задал вопрос, который она запомнила.

— А могут оспорить?

Она ответила подробно: оспорить может заинтересованное лицо, через суд, доказывая, что завещатель не понимал значения своих действий. Поэтому нотариус, видеофиксация, здравый ум в момент подписания.

Пауза.

Потом — голосовое, тридцать секунд, совсем тихое:

— А справку взять, что я в уме? В поликлинике дают, я узнавал. Чтобы никто потом не гадал. Алла Николаевна — женщина тихая, а вот если люди приедут... — он запнулся. — Приезжают люди, Вера. Я им и так и эдак объяснял, что квартира моя. Они слушать умеют плохо. Деньги у них, видишь ли, на случай есть. А у меня на случай только справка.

Вера смотрела в телефон, и холодок шёл у неё по спине.

Приезжают люди.

Она не стала допытываться, какие люди. Она написала:

«Справку берите. И на приёме у нотариуса попросите видеофиксацию — это нормально, это бесплатно, и это ваша бронированная дверь. Всё, что подтвердит: вы понимали, что подписываете. Никто и никогда не заставит вас оправдываться»

Ответ пришёл мгновенно:

«ВОТ. Вот про это я и просил. Вы не представляете, как спать хочется»

В ту ночь Вера писала завещание.

Она работала так, как не работала никогда: сначала от руки, в тетради той самой, из новой стопки, университетской, в клетку. Набросок, зачёркнутое, снова начисто.

Она убрала все канцелярские украшения. Каждое слово должно было понять человеку, который «пишет, как курица лапой».

Точное наименование квартиры. Кадастровый номер. Имя и дата рождения Аллы Николаевны — без единой ошибки, она перепроверила дважды. Формула: «завещаю всё имущество, которое ко дню смерти окажется мне принадлежащим, в части квартиры ей, в части остального сыну».

И отдельный лист — пояснение для нотариуса. Чтобы Валентин Петрович пришёл на приём во всеоружии.

Часы показали 2:40, когда она нажала «Отправить».

И легла спать с чувством, которого не знала весь год.

Не «я полезна».

Я нужна.

Утром — практика. Вечером — лекции. Ночью — ожидание.

Ответ не приходил.

Сутки.

Вторые сутки.

Вера перечитывала их переписку, искала, не написала ли

она что-то не то, не оборвала ли, не обидела ли. Проверяла, не сгорел ли телефон, не отключили ли связь в Белово, — и злилась на себя за то, что волнуется за человека, которого видела сорок секунд в наушниках.

Ольга выслушала её ночью и хмыкнула:

— Верк. У тебя первый в жизни клиент-мужчина, который держит паузу дольше трёх секунд, и ты уже сидишь в режиме «я виновата». Нет. Просто у сторожей сутки через трое, а у тебя тревожность и воображение. Разные графики.

— А если с ним что-то случилось?

— Тогда это точно не от твоего завещания. Ты, между прочим, уникальный случай: твой юристский гонорар полторы недели макарон. Он полторы недели будет есть макароны, чтобы заплатить тебе, а Глеб твой чужой кофе пил и чужие мысли ел. Вот и вся арифметика совести, Верк. Учитесь, студенты.

На третий день, поздно вечером, телефон взорвался.

Три голосовых подряд.

— Живой я! Живой, Вера! Смена у меня сутки через трое, а потом замена заболела, я трое отстоял... Ты только не думай, что я твои вопросы проигнорировал. Я их каждому слову обрадовался. Я, между прочим, справку взял. В поликлинике доктор спрашивает: зачем вам, Валентин Петрович? Я говорю: чтобы спать. Она смеялась. А мне не до смеху, я в уме, между прочим...

И второе:

— Прочёл. Три раза. Даже мне всё понятно, а я с формулировками всю жизнь дружил плохо. Вы уж простите за мою курявость...

И третье самое короткое. Десять секунд. Голос неровный:

— Назначил я у нотариуса. На четверг. Приду. Всё подпишу, как ты написала. Только вот что, Вера. Ты не думай, что я деньги плачу за бумажку. Три тысячи — это я пенсию полторы недели макароны кушать буду. Но это правильно. За такую вещь макароны есть можно.

В четверг Вера весь день носила кофе ровно, безупречно, как автоматическая дверь.

А вечером, между подшивками, телефон мигнул.

Сообщение. Без пунктуации. Большими буквами.

«ПОДПИСАЛИ У НОТАРИУСА. ВСЁ КАК ВЫ НАПИСАЛИ. СПАСИБО ДОЧЕНЬКА ТЕПЕРЬ Я СПЛЮ»

Она перечитала.

Перечитала ещё раз.

Доченька.

В башне её слова крали и вешали на чужой язык. Здесь от её слов человек впервые за четыре года смог спать.

Она сидела в столовой башни над простоквашей и улыбалась так, что Лера подняла голову от своего латте на овсяном:

— Чего довольная?

— Так. Ничего.

И впервые слово «ничего» звучало как «всё».

Дома она доложила Ольге. Всю историю с голосовыми, с макаронами, с «доченька».

Ольга слушала, накручивая чайники на вилку.

Потом сказала:

— Так, фиксирую исторический момент. Ты, рыжая, за месяц работы получила от мужчин три формулировки: «девочка, кофе», «пыль из-под ногтей» и «доченька, теперь я сплю». — Она подняла палец. — Заметь, кто какой ценник называл. Башня платила семь тысяч и называла тебя мебелью. Пенсионер платит три и называет доченькой. Вот тебе, Верк, и весь рынок: уважение — оно не по прейскуранту. Оно по факту. А теперь главное. — Она отставила кружку. — Знаешь, чем завешание — самый честный жанр на свете? Это единственный документ, куда никто не приходит в 23:59 с правкой «сделай как было, но по-другому». Завешание пишут один раз. От души. Отсюда вывод: у тебя впервые в жизни клиент, который не будет тебя править. Плакать хочется от зависти.

— Оля. Он оставляет квартиру чужому человеку. Сыну дачу и вклад. «Пусть думает, что я помню».

Ольга помолчала.

— Знаешь, кто ещё звонит раз в год? — сказала она. — Налоговая. У неё, правда, повестка посерьёзнее. — И тише: — «Пусть думает, что я помню»... Верк, это же не про квартиру вообще. Это человек четыре года лёг не спал из-за того, что два его любимых человека не разговаривают, и ничего не

мог сделать. Квартира — единственное, что осталось в его руках. Вот он ею и распорядился. По-своему. — Она вздохнула. — И запиши в мемуары: «юрист Ковалёва. Была груба, но честна. Умела дочитывать». Между прочим, на бирже ты настоящую фамилию написала. Ковалёва. Смотри-ка. Впервые за месяцы имя настоящее и адрес настоящее. Совпадение? Не совпадение. Настоящая работа всегда начинается с настоящего имени.

А ещё через день упала оплата.

Три тысячи.

И следом — отдельное сообщение, четыре строки, с ошибками, без единой запятой:

«Вера я вам должен сказать. Я всю жизнь договаривался с людьми и знал одно: чем тише человек говорит, тем больше врёт. Вы тихая. И ни разу не соврали. Держитесь там. И если что у меня в Белово есть кому заступиться»

Вера прочла это стоя посреди коридора двадцать четвёртого этажа.

У меня есть кому заступиться.

Человек, которого она никогда не увидит, предлагал ей защиту.

А на этаже, где она стояла, никто — ни один человек из двухсот — не предложил ей ничего, кроме подноса.

Она убрала телефон. Пошла к кофемашине.

Кофе пах кофе.

Впервые за три месяца.

В ночь на восьмое октября она дописывала соглашение о неустойке для какого-то подрядчика — скучный заказ, чтобы дотянуть до стипендии, и машинально, по уже вошедшей в привычку, обновила ленту.

Клик. Пробег. Закрывать.

И споткнулась.

Заказ 417.

«Проверить договор. Нужен специалист, который умеет читать между строк. Документ длинный, глаза уже сломали. Нужно найти всё, что спрятано: скрытые пункты, отсылки, примечания, всё, что не бросается в глаза. Если найдёте скрытое — обещаю бонус. Бюджет: 10 000 . Предоплата 50% на карту. Срок: 7 дней».

Вера перечитала.

Не «вычитать». Не «оценить риски» — так писали все, кто не понимал, о чём просит.

«Найти всё, что спрятано».

Кто-то знал, что прятать можно. Знал, где прячут. Знал слова «скрытые пункты, отсылки, примечания» которых не знал бы даже не каждый юрист.

Она открыла профиль заказчика.

Пусто.

Зарегистрирован: сегодня. 9:40 утра. Без имени. Без отзывов. Аватар — серый силуэт.

Единственное письмо в истории сам заказ.

И предоплата пятьдесят процентов. На бирже, где заказ-

чики годами клянчили «сделаю, а потом заплачу, честное фрилансерское», предоплата вперёд была вещью настолько странной, что подозрительной вдвойне.

Десять тысяч за «проверить» впятеро выше рынка и втрое ниже, чем стоила бы такая работа на самом деле.

Цифра, которая не влезала ни в одну вилку.

Цифра-крючок.

Тополь шумел за окном. Ольга посапывала в своей половине. Где-то за Уралом, в Белово, спал человек, который впервые за четыре года спал спокойно под защитой её слов.

А здесь, на экране, висел человек без имени.

Который ждал.

Вера смотрела на кнопку «Взять заказ» и чувствовала то самое ощущение, за секунду до споткнувшегося пальца, за четыре минуты до примечания на олимпиаде. Азарт. Живой. Горячий. Незаконный. Её собственный.

«Если найдёте скрытое — обещаю бонус».

Палец Веры завис над «Взять».

И нажал.

Глава 8. Круглая сумма

Кнопка «Взять» нажалась легко.

Самые дорогие кнопки в жизни всегда нажимаются легко. Предоплата — пять тысяч — упала на карту через шесть минут.

Предоплата — пять тысяч — упала на карту через шесть минут.

Быстрее, чем Вера успела открыть ноутбук.

В комментарии к переводу отправитель вписал два слова: «За найденное».

Первый вопрос она задала в тот же вечер.

— *Добрый вечер. Я по заказу 417. Прежде чем брать: что за документ и кто стороны?*

Ответ пришёл через четыре минуты. Короткий. Без приветствия. Без единой лишней буквы:

«Документ большой. Стороны значения не имеют. Значение имеет то, что в нём спрятано. Если удобно — берите. Если нет — не берите».

— *Я спросила про стороны, потому что это важно для проверки. Документ реальный?*

«Реальный».

— Я не могу участвовать в чём-то незаконном. Моя работа — анализ текста. Ничего больше.

«Ваша работа — анализ текста. Именно это и нужно. Всё законно».

Вера перечитала диалог трижды.

Так читают договор, в котором каждая фраза честна — и поэтому настораживает.

Заказчик не лгал.

Заказчик вообще ничего не сказал.

Файл пришёл в 22:31.

Вера открыла его в общаговой кухне, над остывшим чайником, — и первым делом увидела не текст, а масштаб.

Двести сорок страниц.

«Договор купли-продажи доли в уставном капитале общества».

Стороны были выжжены. Не имена. Не фирмы. Сухие, стерильные «Сторона А (Продавец)» и «Сторона Б (Покупатель)». Кто-то сжёг из документа все следы, оставив скелет, — и от этой стерильности делалось неуютно, как в операционной.

На девятой странице стояла цена.

Прописью и цифрами, как пишут только то, от чего перехватывает дыхание:

Один миллиард восемьсот пятьдесят миллионов рублей.

Пальцы похолодели.

Не от суммы.

От того, что сумма была настоящая.

Такие числа не пишут в тестовых заданиях. Тестовые за-

дания рисуют.

Настоящие документы — живут. У них другой вес. Другая бумага. Другой запах.

Она открыла свойства файла.

Создан: три года назад.

Изменён: девять дней назад.

Правок: одна тысяча двести сорок.

Документ жил. Три года его редактировали. Шли к нему через протоколы разногласий. А девять дней назад кто-то положил его на стол и сказал:

Спрячь.

Вера написала последний вопрос:

— Это проверка или настоящая сделка?

Ответ лёг в течение минуты. Словно собеседник сидел у экрана и ждал:

«Это работа. Начинайте».

И она начала.

Не с первой страницы — с этого начинают все, и на сороковой странице все умирают.

Человеческий глаз — не инструмент. Он устаёт ровно и предсказуемо. К сороковой странице уже не видит ничего.

Вера начинала там, куда глаза не доходят никогда.

Определения — шестая страница, столбец терминов, которые никто не читает, потому что «и так понятно». Приложения — с конца. Сноски. Колонтитулы.

И только потом — тело договора.

Вооружённая. С картой.

Тетрадь она расчертила заранее. Слева — разделы. Справа — паутина: каждая отсылка «в соответствии с», каждое «с учётом положений», каждое «если иное не установлено» — стрелочкой, к источнику.

Договор — это не текст.

Договор — это лабиринт, в котором коридоры пишут так, чтобы ты думал, что идёшь к выходу.

А ты идёшь по кругу.

Карта должна показать, куда коридоры ведут на самом деле.

«У хаоса есть автор», — написала она и обвела первую стрелочку.

Первую мину она нашла через сорок минут.

Приложение шесть. График платежей. Последняя страница. Примечание под таблицей — та самая анатомия: седьмой кегль, нижний край, серая краска.

«К отношениям сторон в части ответственности применяется приложение номер восемь».

Она открыла приложение восемь. Раздел «Ответственность». Пункт о неустойке — цивилизованный. С потолком: не более десяти процентов.

Классика. Любой юрист увидел бы потолок и выдохнул.

Вера дочитала пункт до конца.

Предпоследнее предложение — хвостом, без абзаца, как сноска без номера:

«Указанное ограничение не применяется к обязательствам, предусмотренным разделом девять».

Раздел девять. Гарантии продавца.

Сердце любой сделки о доле: чистота капитала, отсутствие долгов, отсутствие судов.

Весь блок гарантий был выведен из-под потолка — одной фразой, спрятанной в чужом приложении, под видом технической ссылки.

Покупатель, читающий раздел восемь, видел честные десять процентов.

Покупатель, не дочитавший примечание в приложении шесть, никогда не узнавал, что от этих десяти процентов осталась дыра.

Размером с миллиард.

«Мина первая», — записала Вера.

Сердце стучало ровно. Крепко. Рабоче.

Так стучит не страх.

Так стучит азарт.

Вторую она искала полтора часа.

И нашла не глазами.

Ухом.

Где-то на восьмидесятой странице ей зачесалось, что слово «день» звучит неправильно. Она перечитала абзац. Ещё раз.

«Сторона Б направляет требования в течение тридцати дней с даты обнаружения нарушения».

Нормальная формула.

Но интонация была чужая. Как чужой акцент в знакомой песне.

Она вернулась к определениям. Тридцать первый термин сверху.

«День — рабочий день, если иное прямо не предусмотрено для соответствующего срока».

Вера медленно откинулась на спинку стула.

«Если иное прямо не предусмотрено».

Она полезла искать. Все сроки. Все «тридцать дней». Все «десять дней» — выписывая на лист, как следователь выписывает алиби.

Двенадцать сроков.

Одиннадцать прямо названы календарными.

Сроки раздела девять — того самого, с дырявым потолком, — не названы ничем.

Тридцать дней на требования по гарантиям превращались в тридцать рабочих. Плюс выходные. Плюс праздники. Плюс январь.

Полтора месяца форы против человека, который считал, что у него тридцать дней.

Формула, честная на вид, была растянута, как резина.

И резину тянули аккуратно. В одном месте. Где её никто не трогает.

«Мина вторая».

И ниже — слово, которое она будет повторять годы спустя

— на собеседованиях, в переговорах, в отчётах:

«Ищите не в том, что написано.

Ищите в том, где написано».

Третью мину она вытащила в третьем часу ночи.

Из самого честного места договора.

Раздел двенадцать. Техническая норма о соотношении редакций, которую не читает никто, потому что она «ни о чём»:

«В случае противоречия текста Договора тексту протокола разногласий 2 стороны руководствуются редакцией, действовавшей на дату подписания указанного протокола, в части, не противоречащей настоящему Договору».

Вера прочла предложение шесть раз.

С каждым прочтением внутри неё что-то вставало. Медленно.

Как поднимается человек, понявший, что в комнате кто-то есть.

Формула была построена наоборот.

Не «противоречия устраняются в пользу договора» — так пишут всегда, это азбука.

Здесь противоречия устранялись в пользу старой редакции.

Той, что была до протокола. Той, которую стороны якобы победили и похоронили.

Достаточно было вкратить в чистовой текст одно-единственное противоречие — любое, микроскопическое, — и вся глава, всё противоречие, воскресло бы в старой редак-

ции.

Похороны, на которых гроб заранее оборудован дверцей изнутри.

— Ты кто? — спросила Вера вслух.

Часы показывали 3:20.

Кухня молчала.

Тополь шумел за окном.

И Вера вдруг с изумлением обнаружила, что не хочет спать.

Совсем.

Впервые в жизни.

Не потому что надо дожать. Не от страха. Не от упрямства.

А вот так — сидя, с красной ручкой, над чужим лабиринтом, — она чувствовала себя так, как чувствуют люди, вернувшиеся домой после десяти лет в гостях.

Призрак явился в 4:07.

Без предупреждения. Как и положено призраку.

Она готовила выписку: копировала формулировку из раздела девять, чтобы процитировать точно, буква в букву.

И палец остановился сам.

В цитате был лишний абзац.

Абзац, которого не было на странице.

Вера вернулась к файлу. Нашла место. Прочла: гарантии, пункты, сроки — всё чисто. Страница как страница.

Переключилась на заметки.

Абзац стоял.

Двенадцать строк текста, вставшие в её тетрадь, как чужой голос в телефонную трубку.

По спине, между лопаток, пополз холод.

Она скопировала страницу снова. Вставила в чистый файл.

Абзац пришёл снова. Послушный. Невидимый. Настоящий.

Тогда она сделала то, что сделала бы с бумагой: поднесла текст к свету.

Выделила всё.

И в панели инструментов сменила цвет шрифта с белого на чёрный.

Страница мигнула.

И там, где секунду назад белела пустота между пунктами девять четырнадцать и девять пятнадцать, проявился абзац. Двенадцать строк. Спокойных. Канцелярских.

Убийственных:

«Стороны подтверждают, что гарантии, предусмотренные настоящим разделом, являются исчерпывающими и полными. Требования, связанные с нарушением гарантий, могут быть предъявлены исключительно в течение тридцати календарных дней с даты закрытия. Бремя доказывания обстоятельств, освобождающих Продавца от ответственности, возлагается на Покупателя».

Тридцать дней.

С даты закрытия.

На проверку компании, которую покупают за миллиард
восемьсот пятьдесят миллионов, — месяц.

А дальше — молчание навсегда.

Белые буквы на белом.

Вера смотрела на них, не мигая, и понимала: она видит
такое впервые.

И что теперь будет видеть всегда.

«Мина четвёртая», — написала она дрожащей рукой.

Потом зачеркнула.

И написала сверху другое слово:

«Ключ».

Потому что мины рассчитывают на то, что их не заметит
противник.

Эту не заметил бы никто — она была рассчитана на то,
что её не заметит никто вообще.

Спрятать невидимый текст мог только человек, который
абсолютно, тотально, спокойно не верил, что на свете суще-
ствует кто-то, кто читает до конца.

Телефон завибрировал.

Вера вздрогнула так, что тетрадь поехала со стола.

4:08. Сообщение пришло минуту назад.

Серый силуэт.

«Есть прогресс?»

Он тоже не спал.

Он сидел — где-то там, на другом конце страны, у своего
экрана, — и ждал. Не ответа.

Он ждал, найдёт ли она.

На это был расчёт. И Вера поняла с абсолютной, ледяной ясностью:

Заказ 417 — это не работа.

Это экзамен, который она сдавала, не зная об этом, всю жизнь.

Она напечатала:

— Есть.

Ответ лёг через двадцать секунд. Одно слово:

«Продолжайте».

Ольгу она разбудила в 6:40.

— Так, — Ольга села на топчане, волосы торчком, один глаз открыт. — Который час и почему у тебя лицо человека, который выиграл в лотерею или ограбил банк. Определись. Мне от этого зависит, поздравлять тебя или прятать вещественные доказательства.

— Иди сюда.

Оля протопала, вцепилась в спинку стула, наклонилась к экрану.

Вера выделила текст. Сменила цвет.

Пустота между пунктами разродилась абзацем.

Ольга молчала секунд пять.

— Так. Стоп. — Она сняла очки, протёрла их краем футболки, надела. Посмотрела ещё раз. — У меня юридическое образование. И я сейчас, честно, захотела вызвать экзорциста. Оно что — было всегда?

— Оно было всегда. Просто его не было видно.

— Верк. — Ольга повернулась к ней, и в её глазах впервые за все их совместные утры не было ни капли шутки. — Это не опечатка. Это почерк. Так прячут люди, которые прячут профессионально.

У этого документа был автор.

Очень хороший или очень страшный.

Это, как обычно, одно и то же.

День Вера прожила на автопилоте.

Лекции. Семинар. Ответ у доски, про который профессор Попова сказала своё второе за два года «не потеряетесь».

А ночью она разложила все находки на листе — и соединила стрелками.

И увидела то, что, наверное, не видел ещё никто в мире.

Мины не были разбросаны.

Мины работали в связке.

Примечание к приложению шесть снимало потолок ответственности — но только для гарантий.

Определение «дня» растягивало сроки гарантий.

Невидимый абзац ужимал их до тридцати дней.

А мина-ключ «гроб с дверцей» накрывала всё сверху — позволяя в случае чего воскресить любую удобную формулировку из мёртвого протокола.

Каждая поодиночке — законна.

Вместе — это была машина.

Машина, у которой было одно имя водителя.

Сторона А.

Найди одну мину — сделка выглядела честной.

Найди две — опечатки.

Найди три — совпадение.

Только тот, кто находил четвёртую, видел чертёж.

Пятую мину она вытащила на вторую ночь.

Из самого наглого места из всех, что видела в жизни.

Приложение три. «Форма уведомления о завершении передачи документов». Обычный шаблон: шапка, реквизиты, пустые строки. Под таблицей — примечание из двух предложений.

Второе, набранное вплотную к нижнему краю листа, глаголю:

«Для целей настоящего Договора под датой закрытия стороны понимают дату, указываемую Продавцом в уведомлении о завершении передачи документов».

Вера перечитала.

И рассмеялась.

Тихо, в кулак. Половина — восторг. Половина — холод по спине.

Невидимый абзац отмерял тридцать дней с даты закрытия. Она трое суток считала эту дату внешним событием: акт, нотариус, что угодно независимое.

А «дата закрытия» оказалась не событием.

Оказалась ручкой.

Ручкой, которая лежала в кармане продавца: он сам пи-

сал уведомление. Сам указывал дату. Сам запускал тридцатидневные часы.

И мог запустить их тогда, когда покупатель уже месяц как спал.

Она прошла по всем тайникам — подписи, реквизиты, колонтитулы, нумерация.

Тайники были пусты.

Все.

И эта пустота сообщила ей о неизвестном авторе больше, чем любая мина.

Он не прятал шестую — не потому, что забыл.

Потому что не счёл нужным.

Он был уверен в документе так, как бывают уверены в собственном почерке.

«Ищите в том, что автор позволил себе не прятать», — написала Вера и подчеркнула.

Отчёт она писала третью ночь.

Тридцать восемь страниц — для двух читателей сразу.

Для первого — нормального человека, которому надо понять суть, — первая страница. Пять строк человеческим языком: «Подписывать в текущей редакции нельзя. Вот почему. Вот что править».

Для второго — того, кто это составлял, — всё остальное. С точностью до страницы, пункта и кегля. Со схемой связок. С готовыми правками: она не просто нашла мины — она предложила формулировки, которые их обезвредили.

С приложением: инструкция, как проявить невидимый текст. Со скриншотами «до» и «после».

Последнюю страницу она переписывала четыре раза.

Хотела закончить канцелярски: «Настоящий анализ выполнен в полном объёме».

Стерла.

Хотела дерзко: «Составителю этих формулировок — мой профессиональный поклон».

Стерла.

Часы показали 4:50. Ольга спала. Тополь шумел.

И она дописала последнюю строку — ту, которую потом будут цитировать на собеседованиях люди, не знавшие, что она добавлена в последнюю секунду. На спор с самой собой:

«Составитель этого документа — профессионал экстра-класса. Настоящим считаю необходимым сообщить ему: читатель существует».

Палец завис над «Отправить».

Вера представила, как эти двенадцать слов прочтёт человек, строивший лабиринт, не веря в существование читателя.

И нажала.

Оплата пришла на второй паре.

Телефон завибрировал дважды.

Первый перевод — пять тысяч. Остаток по заказу.

Второй — сорок пять тысяч.

Комментарий к обоим один:

«За найденное».

Вера сидела в аудитории и смотрела на цифру, которая была больше всех её денег за всю жизнь. Включая вилку. Включая карманные.

Из-за плеча материализовалось Олино локоть.

— Что? Почему у тебя лицо человека, у которого всё плохо или всё прекрасно?

Вера повернула экран.

Ольга посмотрела.

Замолчала.

Посмотрела ещё.

— Верк, — сказала она очень тихо. — Ты сейчас заработала больше, чем я за месяц. За одну пару. Пока слушала, как бедные республики плохо живут с сильным парламентом. — Пауза. — Между прочим, «за найденное» у мужчин обычно звучит в другом контексте. И заканчивается заявлением в полицию. А у тебя — премия. Ты первая женщина в истории, у которой «найденное» легально.

Сорок две тысячи — из этих денег — Вера в тот же вечер отправила домой.

Мама перезвонила через две минуты. Рыдающая и смеющаяся одновременно.

— Миш! У неё заказы! У неё, между прочим, пятизвёздочный рейтинг!

И голос отца — из глубины кухни, с чувством:

— Фуру не продавай, мать. У нас семейный подряд. Я везу

— она считает.

Неделя прошла буднично.

Как проходит буднично всё, после чего жизнь уже никогда не будет прежней.

Вера брала новые заказы. Училась. Спала по четыре часа.

И — по Олиному настоянию — рассылала резюме.

Из юридической фирмы ответ пришёл через сорок минут.

Не письмо. Уведомление.

«К сожалению, на текущий момент мы не можем рассмотреть вашу кандидатуру. Требуемый опыт: от 3 лет».

Её. Нашедшую то, что не нашли тридцатилетние.

Лера на просьбу о рекомендации ответила через два дня:

«Привет! Как мило, что вспомнила») Сейчас уточню у руководства».

И тишина.

Аккуратная. Глянцевая.

Навсегда.

В четверг, в 21:17, зазвонил телефон.

Номер незнакомый. Городской. С длинным кодом.

Вера стояла у окна седьмого этажа — за стеклом шёл первый мокрый снег — и взяла трубку на четвёртом гудке. Мысленно готовясь отбивать «помогите составить иск моей теще».

— Вера, — сказал голос.

Не спросил.

Утвердил.

Мужской. Низкий. Неторопливый. Голос человека, который никогда не ждёт у аппарата, потому что аппарат ждёт его.

В трубке не было ни звука фона. Ни улицы. Ни офиса. Ни людей.

Только он.

Так не звонят из колл-центров. Так звонят из места, где нет ничего лишнего.

— Да... Слушаю.

— Я по вашему отчёту. Заказ 417. У вас есть тридцать секунд, чтобы решить, что это мошенник, — и повесить трубку.

Пауза. Короткая, как вдох.

— Пользуйтесь.

— Кто вы?

— Человек, который читал ваши тридцать восемь страниц. Все. — Пауза. — Хотите знать реакцию людей, которые проверяют договоры по тридцать лет? Назовём её профессиональной завистью. Пять мин, Вера. Пять. Мы показывали им документ до вас.

Они нашли три.

Снег за окном падал мимо фонаря. Косо. Медленно. Как в кино.

— Значит, документ настоящий, — медленно сказала Вера. По слогам. Потому что где-то на дне сознания поднима-

лось то, что она гнала от себя трое суток. — Сделка. Она живая?

— Была.

— Была?

— Сделки живут своей жизнью. Ваш отчёт в ней поучаствовал.

Голос не изменился ни на полтона.

И именно поэтому следующая фраза упала, как плита:

— Мы приглашаем вас на собеседование.

— На... — Вера прижалась лопатками к холодному стеклу. — Послушайте. Я студентка второго курса. Что бы там ни было — я не могу... Я вам не подхожу.

— Вы нам подходите ровно в одной точке: вы нашли то, что не находит никто. Остальное приложится. Одежду берите любую. В которой сами себе нравитесь.

— Я не приеду. Мне нужно знать, кто вы. Название компании. Хотя бы.

— Скажу то, что имею право сказать. Мы читаем договоры за других людей. Мы платим тем, кто читает лучше нас.

Пауза.

— Проверьте сообщения.

Телефон пискнул.

Прямо в ухо.

Два коротких вибро.

Банк. Пополнение счёта.

Вера опустила взгляд на экран.

И мир на секунду сделал то, что делает лифт, когда обрывается трос.

+ 500 000 .

Назначение платежа стояло под суммой — маленькое. Ровное. То же самое, что неделю назад:

«За найденное».

— Что это? — спросила она. Голос сел до шёпота.

— Для убедительности, — сказал голос. — Биржа оценила вашу работу в десять тысяч. Мы — иначе. Если решите не приезжать — вернёте, и мы не будем в обиде.

Но вы приедете.

Он сказал это без нажима. Без угрозы.

Как говорят о восходе солнца.

— У вас сорок восемь часов, Вера. Ждём.

В трубке щёлкнуло.

И стало гудеть.

Ольга вынесла вердикт на кухне.

Наливая чай. Ровными руками, которые дрожали только чуть-чуть.

— Так. Хронология. Незнакомец. Ночной заказ. Полмиллиона. — Она поставила кружки. Села. Сложила руки, как на переговорах. — Три новости. Плохая: я не знаю, что это. Хорошая: я точно знаю, что это не бандиты. Бандиты не переводят — бандиты просят. Сектанты тоже сначала берут. А эти отдали.

Средняя: где-то в этом городе сидит человек, которому

полмиллиона — коробок спичек.

И этому человеку нужен ты.

— А если это отмывание? А если завтра приедут и спросят...

— Тогда вернёшь по тем же реквизитам, с актом. Заготовлен. Я юрист, я всё предусмотрела.

Кроме случая, когда рыжую красавицу за одну ночь зовут на собеседование с полумиллионом в кармане.

Она отпила чай.

— Правило одно. Не трать ни рубля. Это не деньги, Верк. Это крючок. Деньги станут деньгами, когда ты поймёшь, кто рыбак.

И последнее.

Она отодвинула к Вере телефон, где всё ещё светилось отклонённое резюме.

— Два часа назад тебе отказала фирма. Автомат. «Опыт от трёх лет». Тебя — нашедшую то, что не нашли тридцатилетние. А через час тебе перевели полмиллиона. Мир только что показал тебе две свои цены, Верк.

Одновременно.

На одном экране.

Выбирай, по какой ходить.

Тополь бился в стекло.

Снег вёл себя неуважительно и падал вбок.

Вера открыла чат с серым силуэтом.

Смотрела долго.

Потом напечатала:

— Я приеду. Когда и куда?

Ответ лёг через одиннадцать секунд.

То есть мгновенно.

То есть он ждал.

«Завтра. 11:00. Адрес пришлю утром. Возьмите отчёт — вам по нему будут вопросы».

И ниже — отдельно, как росчерк:

«Добро пожаловать, Вера. Читатель существовал. Теперь он существует у нас».

Глава 9. Адрес

Сообщение упало на экран в 8:04 утра.

Всего четыре сухие строки, от которых в комнате будто выкачали кислород:

«Пресненская набережная. Башня «Атлас». 11:00. С собой — отчёт. Внизу вас встретят».

Вера сидела на краю узкого топчана, не чувствуя пальцев. Башня «Атлас». Не просто бизнес-центр. Сердце закрытой финансовой империи, сплетённой из сотен офшоров, сырьевых активов и частных инвестиционных фондов по всему миру.

Девяносто четыре этажа из темного зеркального стекла и вороненой стали. Место, где решались судьбы отраслей и где чужаков не просто не любили — их перемалывали в пыль.

Телефон требовательно завибрировал. Ольга.

«Верк, я пробила их холдинг. **ВЫХОДИ НА СЛЕДУЮЩЕЙ. ВОЗВРАЩАЙСЯ. МЫ ЖИЛИ БЕДНО, НО СПОКОЙНО».**

«Еду», — пальцы Веры едва слушались.

«Ты прешься в пасть к акулам с анализом чужого миллиарда в сумке. Это не собеседование, это расстрельная статья! Ладно. Езжай. Но если к шести не выйдешь на связь — я беру монтировку и иду штурмовать их стеклянный хрен. И

главное: у тебя есть во что одеться, чтобы они не приняли тебя за курьера?»

Вера перевела взгляд на старое зеркало в ванной.

Она никогда не считала себя красавицей — скорее слишком заметной, слишком вызывающей для тихих провинциальных улиц. Но сегодня зеркало отражало нечто иное. Тяжелая волна медно-рыжих волос падала на узкие плечи, отливая расплавленным золотом в тусклом свете лампы. Белая шелковая блузка с глубоким, едва допустимым вырезом подчеркивала тонкую талию и высокую грудь. Темная юбка-карандаш сидела идеально по бедрам, открывая длинные породистые ноги, а зеленые глаза под густыми ресницами горели холодным, упрямым огнем.

В ней просыпалась опасная, дикая женственность, которую она сама пока боялась осознать.

— Иди и читай, — тихо сказала она своему отражению. — Ты умеешь видеть то, что они прячут.

Пресненская набережная встретила колючим декабрьским снегом.

Башня «Атлас» вонзалась в свинцовые тучи чернымobeliskом. Возле парадного входа урчали моторами представительские майбахи и заниженные спорткары. Вера с первого взгляда на карбоновые диффузоры и керамические суппорты безошибочно определила редкую версию *Porsche GT3 RS* — ее страсть к сложной технике и механике была единственным, что заставляло сердце биться быстрее цифр в ба-

лансах.

Она сделала вдох и шагнула через вертушку.

Холл первого этажа подавлял монументальной роскошью: полированный черный мрамор, колонны, уходящие в бесконечную высоту, запах дорогого селективного парфюма, морозного воздуха и власти.

У стойки гостевых лифтов стояли две секретарши топ-менеджмента — Кристина и Алёна. Идеальный глянец, выверенные инъекции, белые жакеты от кутюр и профессиональная надменность во взгляде.

Когда Вера подошла к стойке, воздух между ними мгновенно сгустился.

Обе девушки синхронно замерли. Взгляд Кристины медленно, как лезвие бритвы, скользнул по фигуре Веры — от копны рыжих волос до туфель на каблуках. Никаких логотипов, никакой фальшивой роскоши, но от Веры исходил такой густой концентрат естественной, первобытной притягательности, что секретарши мгновенно подобрались, словно хищницы, почуявшие чужака на своей территории.

— Ковалёва Вера, — ровным голосом произнесла она. — Мне назначено на одиннадцать.

Алёна поджала накрашенные губы, а в глазах Кристины вспыхнула неприкрытая, злая настороженность.

— Ждите, — холодно бросила Алёна, не глядя в базу. — Роман Сергеевич пока...

Договорить она не успела.

Створки центрального приватного лифта с глухим шелестом разошлись. На мрамор холла шагнул мужчина.

Весь шум огромного вестибюля для Веры мгновенно смолк.

Он шел расстегнув темно-серое пальто из кашемира, под которым угадывался безупречно скроенный костюм. Широкие плечи, жесткая линия челюсти, темные волосы и осанка человека, привыкшего брать все, что пожелает, не спрашивая разрешения. От него фонило тяжелой, подавляющей мужской силой и опасностью.

Роман.

Вера сделала неловкий шаг назад, отвлекаясь на папку с документами. Отсыревший от снега картон предательски соскользнул из-под локтя.

Папка распахнулась. Тридцать восемь страниц аналитики веером разлетелись по зеркальному черному полу прямо под его ноги.

— Чёрт... — выдохнула Вера и опустилась на колени, пытаясь собрать листы.

Роман остановился. На мгновение его взгляд упал на рассыпанные бумаги, а затем — на нее.

Он опустился рядом одним плавным, бесшумным движением хищника.

Их разделяло меньше двадцати сантиметров. Веру обдало жаром его тела и запахом — сложным, пьянящим аккордом черного перца, кожи, дорогого табака и морозной свежести.

Мурашки вспыхнули у нее под кожей, отозвавшись сладкой, пугающей тяжестью внизу живота.

Его пальцы — длинные, с ровными ногтями и выступающими венами — накрыли титульный лист с ее аудитом.

В ту же секунду Вера потянулась за этим же листом.

Ее пальцы коснулись его ладони.

Словно прошел электрический разряд. Кожа Романа была обжигающе горячей. Вера вскинула голову и заглянула прямо в его глаза — глубокие, цвета темного янтаря, в которых на долю секунды вспыхнуло нечто первобытное, голодное и темное.

Роман не отдернул руку. Напротив — его пальцы едва заметно сжались, удерживая лист и фиксируя ее запястье. Его взгляд медленно опустился на ее губы, затем скользнул ниже — к ключицам, где в вырезе блузки от бешеного пульса вздымалась грудь.

В воздухе между ними повисло такое густое, плотное сексуальное напряжение, что у Веры перехватило дыхание. Она видела, как расширились его зрачки, как дернулась мышца на его скуле. Он смотрел на нее не как начальник на кандидата. Он смотрел на нее как мужчина, который внезапно нашел женщину, способную сломать все его внутренние запреты.

— Анализ договора купли-продажи доли, — низким, бархатным голосом произнес он, не отрывая взгляда от ее глаз. От вибрации его тембра по спине Веры пробежала дрожь. — Быстро вы.

— Я не привыкла тратить чужое время, — ее голос прозвучал тише, чем хотелось, но с дерзкой, вибрирующей нотой.

Роман чуть приподнял бровь. Медленно поднялся, увлекая ее за собой и возвращая выровненную стопку бумаг в ее руки. Когда он передавал папку, его ладонь намеренно скользнула по ее пальцам — долгое, обжигающее прикосновение, от которого заломило в висках.

— Десятый этаж. Переговорная «Титан», — негромко сказал Роман, глядя на нее в упор. — Посмотрим, насколько вы хороши не только на бумаге, Вера.

Он не улыбнулся. Развернулся и пошел к выходу на подземный паркинг, оставив за собой шлейф пьянящего аромата и звенящую тишину.

Вера повернулась к стойке.

Кристина и Алёна стояли бледные, с застывшими, перекошенными от злости лицами. Они видели каждую секунду этой сцены: и взгляд Романа, и прикосновение, и то, как он впервые за все годы работы удостоил кого-то столь откровенного, раздевающего внимания прямо посреди холла.

— Лифт справа, — сквозь зубы процедила Кристина, глядя на Веру с неприкрытой яростью. — Не опоздайте. Сергей Сергеевич не любит ждать.

Створки скоростного лифта захлопнулись, отрезая шум холла.

Вера прижалась спиной к зеркальной стене, чувствуя, как

мелко дрожат колени, а сердце колотится где-то в горле. В зеркале отражалась девушка с пылающими щеками, блестящими глазами и потемневшим, жадным взглядом.

В сумке задержался телефон. Ольга.

«Ну?! Ты вошла?! Жива?!»

Вера посмотрела на свои пальцы, которые все еще помнили жар его кожи. Сжала край папки и быстро набрала дрожащими пальцами:

«Жива. Но отсюда я уже не уйду».

Лифт бесшумно понес ее на десятый этаж — прямо в эпицентр бури, из которой ни она, ни Роман уже не смогут выйти прежними.

Глава 10. Минное поле

Десятый этаж пах иначе, чем парадный вестибюль. Здесь не было запаха хвои и влажного гранита. Воздух здесь был стерильным, тяжелым от озона, кондиционированного холода и дорогого табака, вьевшегося в акустические панели стен. Это был запах денег, которые никогда не спят, и власти, которая не прощает ошибок.

Дверь переговорной «Титан» — массивный монолит из тонированного стекла в тяжелой латунной раме — бесшумно отъехала в сторону.

Вера переступила порог.

Комната была огромной, похожей на капитанский мостик океанского лайнера. Панорамное остекление открывало вид на заснеженную Москву, кипящую далеко внизу серыми и красными огнями пробок. Посреди зала царил стол из черного мореного дуба длиной метров в десять, отполированный до зеркального блеска. На его поверхности отражались три человека.

Во главе сидел Сергей Сергеевич.

Патриарх империи. Мужчина за шестьдесят, с коротко стриженными седыми волосами, тяжелым подбородком и взглядом старого волка, повидавшего на своем веку все виды человеческой подлости и слабости. На нем был простой, но

безупречный темно-синий костюм без галстука. Перед ним не лежало ни одного листа бумаги — только тонкая фарфоровая чашка с эспрессо.

Слева от него расположился Роман.

Он уже успел снять пальто и сидел в расстегнутом жилете поверх белоснежной рубашки. Рукава были небрежно закатаны до предплечий, обнажая сухие, сильные руки с рельефными венами и тяжелыми хронографами на массивном кожаном ремне. Он не смотрел на входящую Веру. Он лениво крутил между пальцами металлическую ручку, но Вера кожей — каждым волоском на затылке — почувствовала, как его внимание мгновенно замкнулось на ней, едва каблук ее туфли коснулся паркета.

Чуть поодаль, на краю стола, сидела Кристина с тонким планшетом в руках. Ее поза была идеальной, спина — натянута струной, а взгляд, брошенный на Веру из-под аккуратно уложенной челки, сочился плохо скрытым презрением и профессиональной ревностью.

— Вера Ковалёва, — негромко, хриловатым баритоном произнес Сергей Сергеевич, указав ладонью на кожаное кресло напротив. — Садитесь. Чай? Кофе?

— Воды, если можно. Без газа, — ответила Вера, проходя вперед.

Она намеренно держала осанку: плечи расправлены, подбородок чуть приподнят, шаг уверенный, от бедра, как учили когда-то на курсах сценической речи. Но внутри все на-

тянулось, как гитарная струна перед разрывом.

Когда она опустилась в глубокое кожаное кресло, Роман наконец поднял глаза.

Их взгляды скрестились над черным стеклом стола. Это было похоже на короткое замыкание. В его янтарных глазах не осталось и следа той светской вежливости, с которой он подавал ей бумаги вниз. Там плескался откровенный, разрывающий интерес пополам с жестким вызовом. Он словно взвешивал ее: насколько глубоко она сможет зайти, прежде чем сломается?

— Ваш отчет по сделке в Сочи, — Сергей Сергеевич постукивал пальцем по распечатанному тексту, который уже лежал перед ним. — Вы нашли две фиктивные накладные на поставку бетона и скрытый залог земли через кипрский траст. За сорок минут. Без доступа к закрытым реестрам.

— Мне хватило открытой финансовой отчетности за три года и несоответствия в налоговых декларациях подрядчика, — ровно ответила Вера, глядя старшему в глаза. — Земля была заложена дважды, во второй раз — с нарушением срока обременения. Это элементарная схема.

— Элементарная? — подал голос Роман.

Его баритон прозвучал низко, почти интимно, но каждое слово падало в тишину зала тяжелым камнем. Он откинулся на спинку кресла, слегка прищурившись.

— Три аудиторские компании из «большой четверки» проверяли этот договор месяц и дали положительное заклю-

чение. А девочка с красным дипломом из провинции называет это «элементарным»? Вы либо гений, Вера... либо вам кто-то слил инсайд.

— Роман, — предостерегающе произнес отец.

— Нет, пап, давай начистоту, — Роман подался вперед, положив локти на полированное дерево.

Расстояние между ним и Верой сократилось. Она снова почувствовала этот запах — перец, табак и животный жар, исходящий от его тела.

— Нам не нужны зубрилы, которые умеют красиво пересказывать учебники по гражданскому праву. Нам нужны те, кто понимает, как устроена реальная плоть этого бизнеса. Логистика. Техника. Скрытые издержки, которые юристы обычно списывают на «форс-мажор».

Кристина угодливо подала Роману папку из черной кожи.

— Вот, например, — Роман щелкнул пальцами, и папка с глухим шелестом проскользила по дубовому столу, остановившись ровно перед Верой. — Приложение номер шесть. Закупка и сервисное обслуживание для нашего закрытого корпоративного автопарка и специальной строительной техники на Дальнем Востоке. Сорок восемь страниц. Контракт на два с половиной миллиарда рублей. Пять минут. Найдите причину, по которой я не должен подписывать его прямо сейчас.

Это была засада. Ловушка, рассчитанная на то, чтобы растоптать ее уверенность.

Кристина едва заметно усмехнулась, скрестив тонкие пальцы с идеальным нюдовым маникюром. Ни одна выпускница юридического, даже самая талантливая, не смогла бы за пять минут разобраться в технической спецификации тяжелой техники и импортных моторов.

Вера открыла папку.

Первые секунды строчки рябили перед глазами. Цифры, артикулы, каталожные номера запчастей, спецификации турбокомпрессоров и гидравлических насосов.

И вдруг внутри у нее что-то щелкнуло.

Годы, проведенные в гараже отца, ночи над чертежами расточенных двигателей, запах машинного масла, въевшийся в память с детства, когда она по звуку работы клапанов могла определить марку автомобиля — все это поднялось из глубин подсознания холодной, кристальной волной.

Она перелистнула три страницы. Глаза цеплялись за таблицы.

«Турбонагнетатели Garrett GTX3582R Gen II... Комплекты гидротрансформаторов Allison 4500... Спецификация масел: низкотемпературные синтетические ПАО...»

Она подняла глаза. Взгляд Веры изменился. В нем больше не было робости соискательницы. В нем вспыхнул азарт хищника, вышедшего на след.

— Пять минут? — тихо переспросила она, глядя прямо на Романа. На ее губах впервые мелькнула тонкая, убийственно дерзкая полуулыбка. — Мне хватит двух.

Роман замер, его пальцы на ручке дрогнули.

— Просветите нас, — с легкой иронией бросил он, но в его позе появилось напряжение борца перед броском.

— Пункт 14.2: поставка турбин для тяжелых тягачей Volvo FMX. Указан артикул с индексом «R» — это гражданская ревизия с керамическим подшипником, рассчитанная на умеренный климат и ресурс в сто пятьдесят тысяч километров. На Дальнем Востоке при температуре минус сорок пять и нагрузке карьерных самосвалов они лягут через три недели работы. Замена обойдется вам в сорок миллионов за сезон.

Тишина в переговорной стала абсолютной.

Сергей Сергеевич медленно отставил чашку с эспрессо.

Вера перевернула страницу, звук сухого шелеста бумаги прозвучал как выстрел.

— Пункт 28: обслуживание спортивного подразделения холдинга. Кастомизация десяти Porsche 911 GT3 RS и четырех Ferrari SF90. Подрядчик заложил замену титановых шатунов и керамических тормозных дисков каждые пять тысяч километров как «регламентную необходимость».

Вера подалась вперед, глядя Роману прямо в расширенные зрачки. Ее голос стал бархатным, почти мурлыкающим, но в нем звенела сталь:

— Это бред. На этих моторах сухой картер и кованные поршни с DLC-покрытием, рассчитанные на трековые перегрузки до десяти тысяч оборотов. Их ресурс — минимум со-

рок тысяч даже в боевом режиме. Вас разводят на сервисном контракте. Причем разводят тупо, в лоб, рассчитывая, что совет директоров не отличает дифференциал повышенного трения от коленвала. Переплата по смете — триста восемьдесят миллионов рублей в год. Чистый откат поставщику.

Она с сухим стуком захлопнула папку и положила на нее обе ладони с тонкими, длинными пальцами.

— Если вы подпишете это, Роман Сергеевич, вы подарите кому-то новенькую яхту в Монако за счет бюджета компании. Я бы на вашем месте уволила того, кто составлял этот тендер.

Кристина у края стола побледнела так, будто ее ударили наотмашь. Пальцы секретарши мелко задрожали над экраном планшета — именно ее отдел курировал первичную проверку этих документов.

Роман не двигался.

Он сидел, не сводя с Веры тяжелого, ошеломленного взгляда. Мужчина, который привык видеть вокруг себя либо алчных кукол, выпрашивающих спорткары ради красивых фото, либо сухих юристов в мешковатых пиджаках, сейчас смотрел на невероятно красивую, породистую рыжую девушку, которая за две минуты раскатала самый сложный контракт по запчастям и моторам.

Между ними снова вспыхнуло то дикое, первобытное напряжение, от которого в воздухе начинало пахнуть грозой.

В глазах Романа вспыхнула неприкрытая, животная

страсть. Он смотрел на ее губы, на то, как высоко вздымается ее грудь под тонким шелком блузки, и понимал: эта женщина — абсолютное оружие. Красивое, опасное и смертоносное.

Сергей Сергеевич медленно перевел взгляд с побледневшей Кристины на сына, а затем — на Веру.

Впервые за все время собеседования на суровом, иссеченном морщинами лице главы корпорации проступила широкая, хищная улыбка.

— Ну что, Роман? — негромко спросил отец, нарушая звенящую тишину. — Будешь дальше проверять знание гражданского кодекса? Или перейдем к главному?

Роман медленно выдохнул сквозь зубы. Его губы дрогнули в ответной, опасной усмешке, а янтарные глаза не отпустили Веру ни на миллиметр.

— Нет, пап, — тихо произнес он, и от звука его голоса у Веры по спине снова побежали мурашки. — Гражданский кодекс подождет. Дай ей тестовый договор на миллиард восемьсот. Посмотрим, как она выплывет из настоящего шторма.

Глава 11. Пункт 87.4

За панорамными окнами на девяносто четвертом этаже сгущались ранние сумерки, смешиваясь с белой мутью снегопада. Огромный город внизу казался застывшим в янтаре, но внутри переговорной «Титан» температура поднялась до критической отметки.

Сергей Сергеевич неторопливо открыл тяжелый сейф, встроенный в деревянную панель за своей спиной. Достал из него плотную папку из черного картона с тисненой золотой печатью и положил перед Верой.

Звук этого касания прозвучал как удар гонга.

— Договор трансграничного синдицированного займа, — произнес глава холдинга. Его голос был спокоен, но в нем слышалась мощь приливной волны. — Один миллиард восемьсот пятьдесят миллионов евро. Три европейских банка, два фонда с Ближнего Востока и наша дочерняя структура в Сингапуре. Этот черновик готовили лучшие международные юристы Лондона и Цюриха. В нем есть одна фатальная ошибка, способная через два года превратить наш контрольный пакет акций в чужую собственность.

Он нажал на кнопку таймера на своем столе — электронные цифры вспыхнули агрессивным алым цветом.

— Десять минут, Вера.

— Четыре, — негромко парировал Роман.

Он поднялся со своего места. Его движения были тягучими, почти ленивыми, как у крупного хищника, выходящего на охоту. Обойдя стол, Роман остановился не напротив Веры, а сбоку — на расстоянии вытянутой руки.

Воздух вокруг него казался наэлектризованным. Он оперся бедром о край полированного дуба, сложив руки на груди. Тонкая ткань белой рубашки натянулась на его широких плечах, и Вера, даже не глядя прямо на него, боковым зрением видела четкий рельеф его предплечий, золотистый отблеск часов и сильные пальцы.

От него исходила плотная, давящая волна тепла. Смесь ветивера, горького перца и чистого мужского адреналина ударила ей в виски, заставляя кровь пульсировать быстрее. Внизу живота сладко и тяжело потянуло — тело предательски отзывалось на эту физическую близость, игнорируя холодный рассудок.

— Четыре минуты, Ковалёва, — повторил Роман, и в его низком хриловатом шепоте прозвучала откровенная провокация. — Покажи отцу, что ты стоишь больше, чем весь наш юридический департамент.

Вера почувствовала, как по шее и ключицам поднимается горячая волна румянца. Но вместо того чтобы стусеваться, она сделала глубокий, размеренный вдох. Шелк блузки натянулся на ее груди — и она поймала момент, когда взгляд Романа потемнел, на секунду соскользнув в вырез ее ворот-

ника, прежде чем вернуться к ее лицу.

Этот секундный сбой в его железном самоконтроле придал ей дикую, острую уверенность.

Она открыла контракт.

Страницы были плотными, с водяными знаками и мелким шрифтом на английском языке. Английское договорное право — лабиринт из оговорок, отсылок и скрытых капканов.

03:42... 03:20... 02:50...

Цифры на таймере таяли. Тишину в комнате нарушал только сухой шорох бумаги и тяжелое, мерное дыхание Романа над ее ухом. Он стоял так близко, что Вера почти чувствовала кожей тепло его тела. Он намеренно давил на нее своим присутствием, проверяя, дрогнут ли ее руки, собьется ли ритм.

Но пальцы Веры с длинными тонкими ногтями листали страницы с хирургической точностью. Ее зрачки метались по строчкам, выхватывая термины, финансовые ковенанты, условия кросс-дефолта.

Кристина у противоположного края стола торжествующе усмехнулась, бросив быстрый взгляд на наручные часы: оставалось меньше полутора минут. Секретарша уже предвкушала, как эту рыжую выскочку выставят за дверь охраны.

01:15... 00:58...

И вдруг взгляд Веры споткнулся.

Пункт 87.4. Мелкий шрифт, спрятанный в разделе о порядке разрешения споров через третейский суд в Стокголь-

ме.

Она замерла. Сердце глухо и сильно ударило в ребра.

Медленно подняв голову, Вера откинулась на спинку кресла. Ее поза больше не выражала напряжения — это было абсолютное, грациозное спокойствие победителя. Рыжие волосы мягкой тяжелой волной рассыпались по плечам.

Она посмотрела снизу вверх прямо в янтарные, лихорадочно блестящие глаза Романа.

— Три минуты и двадцать секунд, — ее голос прозвучал тихо, бархатно, с легкой хрипотцой, от которой у Романа заметно напряглась челюсть. — Таймер можно выключить.

Сергей Сергеевич приподнял седую бровь, не прикасаясь к кнопке:

— Мы слушаем.

Вера провела указательным пальцем по странице, намеренно коснувшись края манжеты Романа. Легкое, почти случайное трение ткани о кожу отозвалось у обоих мгновенной искрой. Роман даже не шелохнулся, но его зрачки расширились до предела, затопив радужку темнотой.

— Пункт 87.4, — произнесла Вера, не отрывая взгляда от лица Романа. — Оговорка о применимом праве в случае реструктуризации долга. Здесь используется формулировка *«subject to the mandatory insolvency provisions of the debtors primary holding vehicle»*. На первый взгляд — стандартная ссылка на банкротное законодательство Сингапура.

Она перелистнула тридцать страниц назад, ткнув пальцем

в структуру владения.

— Но в определении «holding vehicle» на второй странице вкралась ссылка на старый швейцарский устав компании от 2018 года, который вы забыли аннулировать при слиянии. По законам кантона Цуг, при возникновении любого технического кассового разрыва кредиторы получают право на безакцептное списание залога без решения суда.

Вера сделала короткую паузу, наслаждаясь моментом абсолютной тишины.

— Если через два года наступит хотя бы однодневная просрочка по процентам — даже из-за сбоя в банковском шлюзе, — синдикат банков забирает контрольный пакет вашей добывающей компании в Норильске за двадцать процентов от реальной стоимости. Чистая, элегантная рейдерская схема, упакованная в швейцарскую обертку.

Она закрыла папку. Звук захлопнувшегося картона разорвал тишину, как щелчок взведенного курка.

Кристина судорожно втянула воздух сквозь зубы. Планшет в ее руках едва не выскользнул на стол.

Роман медленно перевел взгляд с закрытой папки на Веру. На его лице больше не было скепсиса. Перед ним сидела не просто красивая женщина, от которой исходил сводящий с ума магнетизм, — перед ним был блестящий, безжалостный ум, способный просчитывать ходы быстрее лучших аналитиков мира.

Он почувствовал дикое, почти неконтролируемое жела-

ние прикоснуться к ней прямо здесь. Сжать ее тонкую талию, прижать к этому черному столу и стереть эту дерзкую, знающую себе цену улыбку с ее полных губ. Это было опасно. Это нарушало все правила корпорации. И это возбуждало его до боли в висках.

— Это... невозможно, — глухо выдавил Роман, его голос сел на полтона. — Этот пункт лично вычитывал лондонский офис «Клинтон & Партнерс».

— Значит, лондонскому офису пора перестать платить три тысячи фунтов в час, — парировала Вера, глядя ему прямо в губы. — Либо они работают на сторону кредитора.

В переговорной повисла звенящая пауза.

Сергей Сергеевич медленно встал со своего места. Старый волк подошел к панорамному окну, глядя на огни заснеженной Москвы, а затем повернулся. На его суровом лице играла торжествующая, жесткая улыбка человека, который только что выиграл войну.

Он посмотрел на побледневшую Кристину, затем перевел тяжелый взгляд на сына, чье дыхание все еще было сбитым, и наконец остановился на Вере.

— Оклад — втрое выше стартового грейда, — отдельно произнес Сергей Сергеевич. — Личный кабинет на восемьдесят пятом этаже. Прямое подчинение мне и Роману. Служебная машина из закрытого парка с завтрашнего утра.

Он сделал шаг вперед и протянул Вере свою широкую, мозолистую ладонь:

— Беру.

Вера поднялась, сдерживая дрожь в коленях, и уверенно пожала его руку:

— Спасибо за доверие, Сергей Сергеевич.

Она повернулась, чтобы забрать свое пальто со спинки кресла, и оказалась лицом к лицу с Романом.

Расстояние между ними сократилось до нескольких сантиметров. Роман не отодвинулся. Напротив — он наклонился к ее уху так близко, что его горячее дыхание обожгло нежную кожу за мочкой уха, вызвав у Веры спазм сладкого, нестерпимого озноба вдоль позвоночника.

— Добро пожаловать в ад, Вера, — прошептал он так тихо, что слышала только она. В его голосе сквозила неприкрытая, хищная жажда. — Посмотрим, на сколько тебя хватит рядом со мной.

Он выпрямился, окинул ее фигуру долгим, обжигающим взглядом с ног до головы и вышел из переговорной тяжелым, пружинистым шагом, даже не взглянув на застывшую в углу Кристину.

Вера осталась стоять посреди огромного зала. Ее сердце колотилось с такой силой, что удары отдавались в висках, а воздух вокруг все еще хранил его запах — пряный, темный и обещающий бурю, из которой никто из них не выйдет живым.

Глава 12. Трансформация тела и разума

Осознание масштаба пришло не в момент подписания контракта, а в крошечной, пропахшей жареным луком и мокрыми шерстяными носками кухне на седьмом этаже общежития.

Ольга сидела на колченогом табурете, не мигая глядя на темно-синюю пластиковую карту с выбитым золотым гербом и тяжелый глянцевый фолиант с грифом «*Strictly Confidential. Atlas Group Internal Assets*».

В руках у подружки дымилась дешевая эмалированная кружка с чаем, но пальцы Ольги побелели от напряжения так, будто она держала чеку от боевой гранаты.

— Верка... — ее голос сорвался на хриплый шепот, какого Вера не слышала от нее даже на самых жестких пересдачах по уголовному процессу. — Это же не просто компания. Это, мать твою, теневое правительство. Ты вообще понимаешь, куда влезла?

Ольга дрожащим пальцем ткнула в структуру владения на развороте корпоративного отчета:

— «Атлас Групп» держит сорок процентов редкоземельных металлов Евразии. Весь северный логистический флот.

Закрытые порты в Роттердаме и Сингапуре. Собственные спутниковые частоты, авиалинии, фармакологические заводы полного цикла и закрытые венчурные фонды в Швейцарии. Они... они не подчиняются рынку, Вера. Они его создают. Если этот холдинг чихнет, половина фондовых бирж Азии уйдет в глубокую кому!

Ольга резко подняла глаза, в которых панический ужас боролся с диким, первобытным восторгом:

— И они взяли тебя? Девочку из общаги? На восемьдесят пятый этаж к главному хищнику этой гребаной пищевой цепочки?!

— Взяли, — Вера подошла к окну, за которым сквозь ледяные узоры пробивались огни ночной столицы.

Ее губы все еще помнили горячее дыхание Романа, обжегшее кожу за ухом. То самое: *«Добро пожаловать в ад, Вера...»* Каждое воспоминание об этом мужчине отдавало внизу живота тягучим, запретным спазмом.

Ольга шумно выдохнула, залпом допила чай и посмотрела на подругу новым, сканирующим взглядом:

— Так. Завтрашний день мы начинаем не с юриспруденции. Завтра мы хороним твой гардероб из комиссионки. В эту стаю нельзя заходить овцой, Вера. Если они почуют твой страх или бедность — тебя сожрут помощницы, секретарши и этот их золотой мальчик с лицом серийного соблазнителя. Ты станешь для них королевой, слышишь? Или они сломают тебе хребет.

Первые недели на восемьдесят пятом этаже напоминали прогулку по минному полю в тумане.

Ее кабинет был шедевром минималистичной роскоши: стены из матового графитового стекла, панорама на Москву, парящую в облаках, кожаная мебель ручной работы и тяжелый сейф биометрического доступа. Но за пределами кабинета воздух был пропитан ядом.

Кристина и Алёна начали тихую войну на уничтожение.

Документы на согласование «случайно» отправлялись не на тот сервер за пять минут до дедлайна. Тайминг встреч с зарубежными инвесторами в корпоративном календаре сдвигался без уведомлений. В кулуарах лифтовых холлов шептались, что рыжая провинциалка проложила дорогу на восемьдесят пятый этаж через постель старого волка Сергея Сергеевича.

Вера не оправдывалась. Она не пожаловалась ни разу.

Каждую диверсию она превращала в публичную казнь своих врагов: восстанавливала удаленные реестры за полчаса, находила скрытые технические ошибки в чужих отчетах и хладнокровно озвучивала их прямо на общих планерках, заставляя Кристину зеленеть от бессильной ярости под ледяным молчаливым взглядом Романа.

Но куда более опасной, чем офисные интриги, была трансформация, происходившая с ней самой.

С первыми крупными бонусами за закрытые сделки Вера сменила дешевый хлопок на тяжелый итальянский шелк,

кашемир и структурированную шерсть глубоких оттенков: изумрудный, графитовый, цвет темного бургундского вина. Обувь на тонких двенадцатисантиметровых шпильках стала ее естественным продолжением.

Она научилась распускать тяжелые медные волосы по плечам так, чтобы они при каждом шаге притягивали взгляды мужчин, как пламя мотыльков. Ее фигура — высокая, с тонкой талией и округлыми, зовущими бедрами — больше не пряталась за мешковатыми пиджаками. Вера научилась властвовать своей женственностью. Она превратила ее в холодное, гипнотическое оружие.

И главным зрителем этого превращения был Роман.

Каждый их рабочий контакт превращался в пытку на грани фола.

Они могли часами сидеть над многомиллиардными слияниями в его просторном кабинете, где пахло горьким кофе, кожей и его пьянящим парфюмом. Они спорили о пунктах права, повышая голос, пока воздух между ними не начинал искриться от невысказанного вожеления.

Роман стал невыносимо требователен. Он придирался к каждой запятой, заставляя ее оставаться допоздна, но Вера видела — отчетливо, кожей чувствовала, — как его взгляд темнеет всякий раз, когда она наклонялась над столом, чтобы указать на пункт договора.

Его янтарные глаза жадно скользили по изгибу ее шеи, падали на обнаженную ключицу в расстегнутом вороте блузы

и задерживались на линии талии, обтянутой плотной тканью юбки. Он смотрел на нее не как начальник, проверяющий отчет, а как хищник, из последних сил удерживающий поводок собственного голода. Каждое случайное прикосновение в полумраке вечернего офиса отзывалось коротким замыканием.

Когда Вера протягивала ему распечатку, их пальцы соприкасались — и воздух между ними буквально густел от невыносимого напряжения. Роман не убирал руку. Он держал край листа лишние две секунды, заставляя ее поднять глаза и встретить его потемневший, голодный взгляд.

— Вы сегодня рассеяны, Ковалёва, — негромко произнес он, не разрывая зрительного контакта.

Его голос, хриплый и глубокий, вибрировал где-то у нее под ребрами. Роман стоял слишком близко — Вера чувствовала исходящий от него жар, пьянящую смесь кардамона, табака и чистого мускуса.

— Я предельно собрана, Роман Сергеевич, — парировала она, заставляя свой голос звучать ровно, хотя предательский пульс на шее колотился со скоростью гоночного мотора. — Пункт 12.3 исправлен. Дополнительное соглашение готово к отправке в Цюрих.

— Меня сейчас меньше всего интересует Цюрих, — тихо, почти интимно ответил он.

Роман сделал шаг вперед, нарушая все мыслимые границы корпоративного этикета. Он сократил дистанцию до кри-

тического минимума: теперь между ними оставались жалкие сантиметры. Вера почувствовала, как спиной упирается в край массивного дубового стола. Бежать было некуда.

Его рука медленно поднялась. Длинные, сильные пальцы замерли в миллиметре от ее шеи, не касаясь кожи, но тепло его ладони вызвало у Веры волну неконтролируемой дрожи. Кончиками пальцев он подцепил тяжелую медную прядь ее волос, скользнул по ней вниз и сжал шелковистый локон в кулаке — властно, но без боли.

— Ты сводишь меня с ума, Вера, — его янтарные глаза потемнели до цвета крепкого виски. В них не осталось ни грамма фальшивой сдержанности топ-менеджера. — С первой секунды в том чертовом холле. Твоя самоуверенность, твои идеальные отчеты, то, как ты смотришь на меня... будто видишь насквозь.

У Веры перехватило дыхание. Внизу живота разлилась тягучая, обжигающая сладость. Ее тело кричало о капитуляции, требуя сделать шаг навстречу, уткнуться лицом в изгиб его шеи и позволить этим сильным рукам сорвать тонкий шелк блузки. Рассудок выл об опасности, напоминая, в чьих руках сосредоточена власть над корпорацией.

Она не отвела взгляда. Медленно, преодолевая гипнотическое притяжение, Вера положила ладонь ему на грудь. Через тонкую ткань рубашки она почувствовала, как яростно и тяжело колотится его сердце.

— Вы переходите черту, Роман Сергеевич, — прошепта-

ла она, но в ее голосе вместо протеста прозвучал бархатный вызов.

Роман едва заметно усмехнулся — хищно, опасно. Его лицо склонилось так низко, что его горячие губы почти коснулись ее губ. Еще доля секунды — и лед окончательно бы треснул.

Резкий, пронзительный зуммер селекторной связи разорвал тишину переговорной, как выстрел.

— Роман Сергеевич, — голос Кристины из динамика звучал натянуто и слащаво. — Сергей Сергеевич ожидает вас в закрытом зале на девяностом этаже. Борт из Сингапура только что приземлился.

Магия момента разлетелась вдребезги.

Роман не отстранился сразу. Он медленно выпустил медную прядь из пальцев, его взгляд скользнул по ее приоткрытым, влажным губам, зафиксировав ее сбитое дыхание.

— Мы не закончили этот разговор, Ковалёва, — глухо бросил он, выпрямляясь и поправляя манжеты.

Он развернулся и вышел из кабинета стремительным, пружинистым шагом, оставив Веру один на один с бушующим пульсом и ночной панорамой мегаполиса за стеклом.

Вера опустилась на край стола, пытаясь восстановить дыхание. Пальцы все еще дрожали. Она посмотрела на свое отражение в темном стекле: покрасневшие щеки, горящий взгляд и осанка женщины, которая ступила на территорию абсолютного риска и больше не собиралась отступить.

Игра началась. И правила в ней диктовали уже оба.

Глава 1

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.